

оказе 4-й

156 $\frac{2}{22}$

К

36

К
36

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1816^й годъ.

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

Мѣсяцъ Сентябрь.

на Ил
гихъ 1
прену
южны
соваш
Сверх
ея и
ника
прену
продо
и
припе

Планъ сего Журнала.

I. Науки и искусства;

Во семь отдѣленій помѣщаемы будутъ статьи собственно до наукъ и искусства касаются: разсужденія, рѣчи, историческіе очерки и п. ш.

II. Живописная проза;

Ее составлять будутъ картинныя мѣста изъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, въ подлинникахъ и переводѣ.

III. Дѣтское чтеніе;

Повѣсти, нравственныя черты, анекдоты.

IV. Стихотворенія;

Оды, посланія, пѣсни и другіе роды стиховъ — по выбору.

V. Харьковскія записки;

Статьи касательно Университета, Ученого, Филотехническаго, Благопшорительнаго и Библийскаго Общества; замѣчанія о театрѣ и пр.

VI. Смѣсь;

Сюда будетъ относиться также Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ, крашкія рецензіи, извѣстія о несчастныхъ и разныхъ извѣдомленія.

12
36

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ СЕНТЯБРЬ.

156/22

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Нѣчто о Литвѣ.

На сихъ дняхъ я имѣлъ удовольствіе чищать Украинскій Вѣстникъ. Встрѣтившійся мнѣ съ начала Харьковскій суровый Февраль (книжка) показался прелестнѣе Гродненскаго улыбающагося Маія. И дымъ опчиzny сладокъ, — наиболѣе для того, кто двадцать лѣтъ не видалъ никакого другаго, кромѣ родимаго неба, — одолженъ оному и мирными удовольствіями жизни, и небольшими приобрѣшеніями ума — шеперешними добрыми его руководителями на чужбинѣ. Но родину мою пусть хвалятъ посторонные: хвалу роднаго сочтутъ ласкашельствомъ; а за эшонъ грѣхъ и свои осчуждаются. Скажемъ чтонибудь про спорону чужую, гдѣ болѣе двухъ лѣтъ не безъ скуки жизнь проводимъ.

И подлинно — кому не прискучится жить въ Литвѣ даже полгода? Кто добровольно черезъ годъ не отказался бы отъ этаго холоднаго края? А проживъ по долгу службы терпѣливыхъ два года, — кто не присмотрится на житье здѣшнее? — Какое различіе между житьемъ нашимъ! —

Былъ я въ Вильнѣ, живу въ Гроднѣ, жила въ и въ другихъ мѣстахъ Литовскихъ: вездѣ видѣлъ, вижу и впередъ вѣрно видѣть буду скучное единообразіе здѣшней жизни. Земледѣлецъ собралъ плодъ, дровосѣкъ подрубилъ лѣсъ, скоповецъ остригъ волну, винодѣлатель составилъ вино; — и всѣ издѣлія Литовскихъ рукъ по своему усовершенствованіи отходятъ за безцѣнокъ въ дорогой складъ Евреевъ. Этому народу здѣсь господствующій; у него одного найдешь покойное пристанище, вкусной напитокъ, легкую пищу — за тяжелую монету. Не будь здѣсь этой обропотливой отрасли Израиля: нагулялся бы всякой босъ, пощеголялъ бы голъ. Но къ щастію нѣтъ здѣсь и маленькой деревни безъ Еврея; и въ маленькой деревнѣ за большія деньги

найдешь все нужное. А посему, живя въ Липовѣ Христїяниномъ, нельзя не привыкнуть къ Жидамъ. Правда, что сей родъ вѣроломный; нравственная опмѣна праотцевъ не измѣнилась въ позднѣйшемъ потомствѣ; за грошъ безъ совѣсти просятъ сорокъ; сойдясь на одинъ отдають поваръ не краснѣя, покупаешь кунницу, а купишь лисицу — покрайнѣй мѣръ за куньи деньги: — но чтожь будемъ дѣлать? . . . Въ городѣ и мѣстечкѣ православныхъ на всей улицѣ одинъ домъ ипотѣ приѣзжій; а Евреевъ въ каждомъ пять, десять сѣмей. Откупщикъ, подрядчикъ, купецъ, художникъ, мѣлочной торгашъ, трактирщикъ, ремесленникъ, бываетъ и врачъ, — словомъ въ комъ бы изъ сихъ классовъ людей ни случилась надобность, — всегда будешь имѣть дѣло съ Жидомъ.

Гдѣже, спросите, сокрылись природные обыватели Липовы? — Они земледѣльцы и живутъ въ бѣдныхъ хижинахъ разбросанныхъ средь нивъ (*) и по лѣсамъ.

(*) Ибо здѣшняя земля требуетъ унавоживанія, — и каждый крестьянской домъ окруженъ участкомъ принадлежащей къ нему дерявы.

Не увидите вы тамъ ни гордаго нашего вола, ни прыткой лошади, ни тучной овцы. Всякое здѣсь домашнее животное соотвѣтствуетъ своимъ положеніемъ положенію своего владѣльца. Не успѣютъ деревенскіе оправиться до двухъ, трехъ скотинъ,—какъ является Еврей, предвѣщаетъ падежъ, дешеvizну, или поборъ;—и первые съ благодарностію отдають всѣхъ трехъ за цѣну одной второму. Цѣна скудельничья! а деньги еще прежде продажи поступили въ ближайшую корчму — къ Еврею же. — Наступило время полевыхъ прудовъ: помѣщикъ или арендаторъ, находя достаточное количество рукъ—но только безъ способовъ къ воздѣлыванію земли, всегда бываетъ принужденъ употреблять весь дворовый свой скотъ въ работу; и играющій у насъ по богатымъ и тучнымъ пастбищамъ теленокъ проводитъ здѣсь по грубой и каменистой пошвѣ глубокія бразды. . . .

Начтоже смотрять, вы скажете наконецъ, здѣшніе помѣщики?—Мѣлкой, старающейся здѣлаться значительнымъ, арендуетъ большое имѣніе у бѣгшаго; а свой ма-

ленькой уголокъ отдаешь въ аренду Жи-
ду за такую цѣну, которой и самъ при
собственномъ своемъ распоряженіи безъ
Еврейской разчотливости получишь ни-
когда не надѣешься. Богатые, отдавъ арен-
ды малоимущимъ—или въ каждой десяти-
дворовой деревнѣ поручивъ смотрѣніе за
хозяйствомъ одному управителю, (komisarz')
одному приказчику, (oskonot) одному пи-
сарю (pisarz') и одному смотрителю (namiest-
nik, liub Ciun), — избытки арендапорскихъ
и управительскихъ трудовъ спокойно про-
живаютъ за границею. Кто же за симъ
не согласится, что опчимъ — не отецъ,
наемникъ злой въ чужомъ—не хозяинъ?? —
Но въ большомъ домѣ не безъ добраго слу-
ги; находящаяся и здѣсь шакіе владѣльцы, —
которые, по хозяйски смотря за своимъ
самъ, и при маломъ получаютъ большія
выгоды.

Надобно сказать, что здѣсь дворянъ
необыкновенное множество. Вы изъ нихъ
сыщете тысячи (*) однофамильцевъ: бы-
ваетъ въ рядъ десять, двашцать деревень

(*) На примѣръ: въ Гродненской Губерніи фамилія
Змоншпозъ.

и подъ каждою кровлею на одной десятинѣ земли — владѣтельный Шляхтичъ. Можно заключить, что живутъ они не завидно; хотя свободны отъ всякихъ налоговъ и плащежей. Рѣдкіе изъ нихъ находились въ службѣ государственной и весьма немногіе не отправляютъ, или покрайней мѣрѣ не отправляли должностей у людей чашныхъ. Имъ однимъ принадлежишь все и вездѣ то чиновосостояніе, которое по порядку означилъ я выше при управленіи каждой деревни. Сверхъ того, не говоря о магнатахъ, упомяну только, — что здѣшній каждый владѣлецъ, котораго право владѣнія (*jus possessionis*) простирается лишь на одну сотню ревизскихъ душъ, имѣетъ изъ Шляхетскаго сословія съ собою за столкомъ и при достаточномъ каждому жалованьи слѣдующихъ званіеносцевъ: 1-е предводителя (*hurczatok*) — надъ блюдами за обѣдомъ и ужиномъ, 2-е секретаря (*secretarz*) разпоряжающаго перепискою помѣщика, 3-е конюшаго (*koniusz*) завѣдывающаго господскою четвернею, 4-е щетчика (*szachmistrz*) принимающаго ежегодный отщотъ отъ деревенскаго управленія, 5-е

домоваго священника (kapellan) для удаленія помѣщика отъ свѣта и примиренія съ религіею, и 6-е наемнаго камердинера — по большой части иностранца — для смотрѣнія за порядочною укладкою гардероба. — Можешь быть, что содержаніе такой свиты при сказанномъ имуществѣ почтутъ невозможнымъ; но я отвѣчаю на то, — что здѣшнія имѣнія не Украинскія: деревня во 100 душъ, или въ 30 домовъ — приноситъ ежегодно дохода не двѣ тысячи рублей ассигнаціями, а три серебромъ; — будеже состоить подъ аренднымъ правомъ Еврея. — по за тонкою разчетливостію изворотливаго арендатора можешь доставить владѣльцу чепыре, а Еврей вѣрно себя ужъ не обидишь.

Сверхъ того есть еще одинъ родъ службы для неимущей Шляхты: это званіе Римское-духовное. Исключивъ духовство свѣтское, вы здѣсь сыщете въ каждомъ уездѣ отъ 10 до 20 монастырей (*) различныхъ орденовъ, съ опшѣною

(*) Монастыри сіи по Польски называются Кляшторы. Въ каждомъ Липовскомъ городѣ можно найти оныхъ нѣсколько; а въ Вильнѣ болѣе 20 и называются по орденамъ и мѣсту, какъ те

въ уборахъ, при разныхъ для каждаго узаконенїяхъ—и всѣхъ съ весьма порядочными недвижимыми имѣнїями. Касательно послѣдняго женскіе монастыри преимущественно богаты: наприимѣръ въ Гроднѣ 12 монахинь, принадлежащихъ къ ордену Св. Бригитты, получаютъ иноческое сущожденіе почти отъ 2000 крестьянскихъ дворовъ!!

Вотъ крашкое мое обозрѣніе Литвы, которое покорнѣйше прошу почтеннѣйшихъ Издашелей Украинскаго Вѣспника помѣстить въ своемъ Журналѣ. Оно не оскорбитъ Литовцовъ; ибо рѣдкіе изъ нихъ читають по Руски. Но если бы это и достигло ихъ зрѣнїя или слуха; то историческая правда огорчать не можетъ,—а служишь только примѣненїемъ своего къ чужому и насшоящаго къ прошедшему.

К—р—й.

1816 года
Юля 14 дня
Гродно.

Гродненскіе Доминиканскій, Кармелитскій, Бернадинскій, Августиніанскій, Бонифратерскій, Базиліанскій и проч.

О п ы т ъ

по двумъ способамъ (синтетическому и аналитическому) судить и оцѣнивать вѣрно эстетическія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ.

(Окончаніе.)

Теперь да будетъ мнѣ позволено приступить къ другой половинѣ моего предложенія. И какъ синтетическій способъ требуетъ, чтобы цѣлое сочиненіе обнять вдругъ будто однимъ взоромъ и видѣть прежде всего цѣль или намѣреніе Автора; то я и осмѣливаюсь помѣстить здѣсь оду Г. Державина всю — какъ она есть:

Глаголь времянь — мешалла звонь!
Твой спрашнй гласъ меня смущаетъ....
Зовешь меня, зовешь твоей спонь,
Зовешь — и къ гробу приближаешь!
Едва увидѣль я сей свѣтъ —
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ни что опъ роковыхъ кохтей,
Ни кая пшарь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы — злость стихій снѣдають;
Зіаетъ время славу спертъ;
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы; —
Глошаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую спремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою, —
На то — чтобъ умереть — родимся.
Безъ жалоси все смерть разишь:
И звѣзды ея сокрушатся,
И солнцы ея потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнишь лишь смертный умираю
И быть себя онъ вѣчнымъ чае; —
Приходитъ смерть къ нему, какъ шагъ,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можешь смерть постичь скорѣ:
Ея и громы не быстра
Слепають къ гордымъ вышнямъ! —

Сынъ роскоши, прохлада и нѣга —
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?

Оставиль ты оей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть своя, а духа нѣтъ; —
Гдѣжь онъ? — Онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? —
Не знаемъ!

Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блискали, —
У всѣхъ тамъ цѣлѣнѣтъ кровь
И духъ мящется отъ печали;
Гдѣ споль былъ яствъ — тамъ гробъ
стоишь;

Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воють клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу шѣсны мѣры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелестъ и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны, —
И шочить лезвее косы!

Смерть — шречень естества и страхъ!
Мы — гордость съ бѣдношью совмѣстна!

Сегодня богъ — а завтра прахъ;
Сегодня льстивъ надежда лестна, —
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечъ уопѣли, —
Хаоса въ бездну улетѣли
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ! —

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжишь красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ, —
Желаніемъ честей размученъ;
Зовешь, я слышу, славы шумъ!

Но такъ и мужество пройдетъ, —
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ, —
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою. . . .
Подише счастья прочь возможны!
Всѣ премѣны здѣсь и ложны; —
Я въ дверяхъ вѣчности стою!

Сей день — или завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почтожь перзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?

Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ,—
Устрой её себѣ къ покою; —
И съ чистою пивоей душою
Благословляй Судебъ ударъ.

Прочитавъ оду сію, должно узнать слу-
чай или поводъ возбудившій генія въ Поэтѣ
къ тому, что бы онъ написалъ стихи
сіи? Естълибъ и не видали мы въ заглавіи
оныхъ: — на смерть Князя Александра Ива-
новича Мещерскаго; то изъ стиховъ:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ и пр.
узнали бы, что смерть Мещерскаго была
поводомъ къ симъ стихамъ. Другой во-
просъ: какую цѣль имѣлъ стихотворецъ,
писавши стихи сіи? Описавъ ясенъ въ
строфѣ:

Сей день — иль завтра умереть,

Перфильевъ! должно намъ конечно и пр.
онъ хотѣлъ утѣшить сѣшующаго по дру-
гѣ своему Перфильева, хотѣлъ заставить
его переносить необходимыя утраты ве-
ликодушно. Ишакъ сущность всей оды
можно привести въ сей или подобный
силлогизмъ: *человѣкъ* должно подвергнуться
необходимо, то переносить надобно вели-
кодушно; а смерти должно подвергнуться—

ся необходимо: слѣдовательно смерть надобно переносить великодушно. Поэтъ разнообразитъ вторую часть сего силлогизма, доказывая всѣми возможными случаями, доказывая множествомъ примѣровъ, доказывая самимъ собою; — и коротко только въ послѣдней строфѣ, дѣлая заключеніе, обращается къ Перфильеву.

Описывать домъ Мещерскаго со всею тамъ находящимся прежде и при его смерти; описывать самую смерть сію, олицетворивъ ее; представлять свою изчезнувшую молодость; пророчить, что и мужество пройдетъ, и старость приблизится; отказываться отъ всѣхъ благъ на свѣтѣ; — все это кажется не шло бы къ цѣли главной — убѣдить Перфильева или читателей къ перенесенію великодушно утратъ. И однакожь все это, доказывая обиліе мыслей у Поэта, силу его таланта, — клонится къ главной цѣли. Вникнемъ теперь подробнѣе во всѣ части сей оды; станемъ разбирать связь оной по порядку съ начала до конца.

Смысль или логическая мысль первыхъ четырехъ стиховъ нѣсколько затрудняетъ меня: къ какому звуку колокола обращается Державинъ? къ тому ли, который слышится на погребеніе умершаго, — о чемъ догадываться можно по стиху:

Зовешь — и къ гробу приближаетъ;
или лучше къ колоколу боевому въ часахъ, который каждымъ звукомъ своимъ уноситъ часъ жизни нашей и слѣдовательно къ гробу такъ же насъ приближаетъ? Принимаю за справедливое послѣдній смыслъ и вотъ причина: допустя первый — былъ бы ложно Лирической или безсвязный переходъ отъ того, что звукъ колокола призвалъ Державина къ гробу Мещерскаго, — то умереть вѣкъ необходимо; — или и того еще было бы страннѣе: авторъ тогда лишь только почувствовалъ, что съ самаго начала жизни его положено ему умереть! — Допустя же послѣдній, — переходъ отъ первой мысли къ другой будешь естественнѣе, больше Логической и даже одинъ составляютъ смыслъ двѣ, по видимому, разныя части. Авторъ извѣщенъ о смерти Мещерскаго — и за-

нять симъ случаемъ; бой часовъ отдается въ ушахъ его и рождаетъ мысль — какую же? что этакъ часъ похищаетъ часть жизни у него или приближаетъ къ вѣчности; Поэтъ вникая болѣе, болѣе размышляя о дѣйствіи времени, — видитъ въ его дѣйствіи смерть и лицетворя ее, по мѣрѣ возбужденія генія Поэзіи въ себѣ, примѣчаетъ умаленіе дней своихъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ младенчества:

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ и проч.
Отъ себя самого обращается онъ на внѣшніе предмѣты; хочетъ повѣрить, справедливо ли его замѣчаніе? — и все подтверждаетъ сію истинну!

Ни что отъ роковыхъ кохтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ, —
владыка и рабъ равно добыча смерти;
самыя гробницы — хотябъ они были металлическія, мраморныя — и они подвержены плѣнію —

Гробницы — злостъ спихій снѣдаетъ;
самая слава, которой все ищутъ, которую щипаютъ чемъ-то неизпребляемымъ, — и ее время истребитъ, сопреетъ съ лица земли: все, все на свѣтѣ есть — ничто иное,

какъ вода изъ ключей чрезъ ручьи и рѣки
 льющаяся въ море — въ вѣчность. Что
 казалось бы можно сдѣлать царству —
 тысячамъ градовъ, милліонамъ людей? —
 и это все поглощаетъ смерть! — Вотъ
 какъ рождается и дробится предмѣтъ
 подъ перомъ Генія. Но мысль его не огра-
 ничивается еще землею нами обитаемою;
 его взоръ дальновиденъ, всепроницающъ, —
 онъ это же дѣйствіе смерти — *разруше-*
ніе видитъ и въ шѣлахъ изливающихъ
 свѣтъ — въ солнцахъ, предъ коими зем-
 ля наша по увѣренію астрономовъ есть
 малая точка, — въ звѣздахъ, кои поспи-
 жимы только мысли и мысли человѣка
 необыкновеннаго, — въ мѣрахъ, коихъ еще
 предполагають только существованіе и
 существованіе однакожъ основанное на
 всемогуществѣ Творца — вѣрно проспер-
 таго сей неизмѣримый кругъ небесъ не
 для того только, — чѣмъ носилась въ немъ
 пылинка — земля наша, населяемая чело-
 вѣкомъ — существомъ даже въ значеніи
 рода взятымъ непостижимо малымъ!! Я
 пропускаю четыре стиха:

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ кошорую стремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою, —
На то — чѣтобъ умереть — родимся.

Хотя мысли въ нихъ прекрасны, хотя отдѣланы они какъ только желать можно; но они суть повтореніе и повтореніе кажется неумѣстное: впереди изстребляются царства, послѣ слѣдуетъ разрушеніе солицевъ и звѣздъ; — чѣтожъ мы значимъ при этомъ скользящіе на краю бездны? капля при океанѣ? — Далѣе Поэтъ представляетъ намъ какъ будто утомительность въ мысляхъ своихъ: отъ міровъ переходитъ онъ опять къ человѣку. Но противоположность сія не только не унижаетъ его мыслей, а на противъ возвышаетъ ихъ: человѣкъ способенъ понимать возможные міры, постигать истребленіе ихъ, — и такъ дерзокъ, что при всемъ томъ думаетъ самъ не быть подверженъ смерти! — *Смелый и удивительный* два слова соединяемые. Поэтомъ даюшъ намъ знать, какъ онъ умѣетъ отъ возвышеннаго перейти къ обыкновенному — къ своему предмету, не унижая Гения своего. —

Послѣдующіе чешыре стиха :

Увы! гдѣ меньше страха намъ,

Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе :

Ея и громы не быстрѣе

Сдѣлають къ гордымъ вышинамъ !

не прерывая связи съ предыдущимъ, составляющъ соединеніе съ послѣдующимъ : чѣмъ что безопаснѣе кажется въ разсужденіи смерти ; тѣмъ скорѣе ей подверженъ , — и это видно на вельможѣ Мещерскомъ , жизни и смерть его у насъ предъ глазами.

Мещерскій умеръ — это слово такъ извѣстно , и такъ не понятно намъ ! Что значить смерть наша ? что съ нами станется по смерти ? куда мы переселимся отселъ ? Сіи вопросы конечно ни когда ни кѣмъ не будутъ разрѣшены , если не объяснитъ намъ ихъ Вѣра , — и мы только должны будемъ повторять : *тамъ! не знаемъ! о горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!* — При такой безвѣстности не можно ли усомниться въ самой смерти нашей ? что на примѣръ доказываетъ , что Мещерскій умеръ ? — Все вокругъ его шеперь и прежде о жизни его свидѣльствовали *жизнь, радость, любовь, здравіе, роскошь,*

пиршества обитавшія въ его домѣ; въ смерти его увѣряють насъ теперь бездыханное — неподвижное тѣло, гробъ его вмѣщающій, ужасъ и оцѣпенѣніе во всѣхъ предстоящихъ, вопль и плачь всюду раздающіеся! О точно, точно должна быть близъ сего дѣйствія причина — смерть! И она представлена Поэтомъ неподражаемо:

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Здѣсь опять Поэтъ увлекается порывомъ духа своего и повторяетъ описаніе могущества смерти. Но признаюсь, есть ли когда можетъ быть повтореніе нелишнимъ, простительнымъ, прекраснымъ; такъ это здѣсь: смерть, сидя при жертвѣ ею пораженной, не довольна симъ; алчность ея не насыщена — или она не забываетъ, исполняя одно, простирается къ другому; она озираетъ всѣхъ людей съ одного конца земли до другаго; смотритъ на жизнь — бичей челоуѣчества владычествующихъ славолубивыхъ тиранновъ, на жизнь ненасытимыхъ и ничемъ недовольныхъ богачей, на жизнь прелестниковъ и прелестницъ злоупотребляющихъ красотою внѣшнюю, на жизнь вольнодум-

цевъ преступающихъ предѣлы предписанные разуму, на жизнь людей слишкомъ много мечтающихъ о крѣпости силы своей тѣлесной, — она смотритъ и почитъ лезвее косы; махнетъ ею — и всѣхъ сихъ не станетъ! — Гдѣ такое повтореніе могущества смерти не будетъ безподобно? — Но сіе могущество смерти опять заставляетъ стихотворца съ сожалѣніемъ представлять въ противоположность брѣвность нашу: что значить смерть?

Смерть — трепетъ естества и страхъ! что значимъ мы?

Мы — гордость съ бѣдностью совмѣстна! Сей стихъ неподражаемъ и въ мысли, и въ ошдѣлкѣ! — Мы можемъ только гордиться — а быть жалкими тварями! Мы можемъ щипать себя богами — а на завтра и намъ о насъ изтребится; лѣта наши не успеютъ жройти, какъ и поглощающія насъ — бездною непроницаемою для самой мысли нашей. Жизнь наша небольшая какъ сонъ — и хорошо еслии сей сонъ сладокъ, мечтанія приятны, — какъ поэтъ представляетъ свою молодость! Но и онъ уже пробудился ошъ сего

сладостнаго усыпленія, или видить во
снѣ другія мечты: его уже

Не сильно нѣжить красота,

Не столько восхищаетъ радость!

По извѣстнымъ дѣлаемъ мы заключеніе о
неизвѣстныхъ и очень вѣрно Ктоже въ пред-
ставленной картинѣ молодости не у-
знаетъ самого себя? И кто теперь не со-
гласится съ поэтомъ, естли достигъ
зрѣлости лѣтъ, — что и мужество его
пройдесть также какъ молодость, и
страсти смѣнятся другими страстями,
и этой смѣнѣ придетъ конецъ — смерть;
въ гробѣ всѣ утихнутъ страсти! — И
кто разсудивъ, почувствовавъ справедли-
вость сихъ мыслей, — не скажетъ вмѣстѣ
съ стихотворцемъ: блага земныя — спо-
лами любимыя! уступите мѣсто въ серд-
цѣ моемъ мысли о вѣчности! Какая мнѣ
польза въ вашей перемѣнѣ — только у-
томляющей меня, только оставляющей
сожалѣніе вмѣсто наслажденія? —

Подите счастья прочь возможны!

Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны; —

И вотъ когда Поэтъ почелъ нужнымъ об-
рашиться къ сѣдующему Перфильеву, —

который все слыпалъ, во всемъ участво-
валъ, все признавалъ справедливымъ. Вотъ
когда должно бытъ дѣйствишельно слово
упѣшенія :

Почтожь терзаться и скорбѣть,

Что смертный другъ твой жилъ невѣчно?—
Вотъ то спасишельное средство — жизнь
уюю столь крашку, столь невѣрную,
подверженную столько перемѣнамъ и не-
щастіямъ, — здѣлать для себя и та-
кую жизнь благомъ : — посредствомъ ду-
ши неочерненной пороками и слѣдова-
тельно ни какихъ неопасающейся пере-
мѣнъ, покорной волѣ Небесъ, и щастіе и
нещастіе принимающей благословляя Про-
видѣніе премудрое и всеблагое !! —

Итакъ смыслъ всей оды не представ-
ляетъ намъ ни гдѣ, кромѣ одного мѣста —
которое осмѣлился я замѣнить, переры-
ва или безсвязности; вездѣ соблюдены
правила Логики и заключеніе сдѣлано
справедливо, распространеніе и даже по-
ширеніе имѣетъ цѣль и по крайней мѣ-
рѣ мастерскою ошдѣлкою заставляеть
простить все, въ чемъ ни отступилъ
Стихотворецъ отъ строгой философіи.

Теперь слѣдуетъ обозрѣть оду Державина въ отношеніи къ правиламъ Реторики, или перейти отъ мыслей въ частяхъ составляющихъ цѣлое къ *выразительности* сихъ частей. Здѣсь необходимо безпристрастіе болѣе, нежели гдѣ нибудь; но здѣсь то всего труднѣе сохранить его. Панегирикъ написать не трудно; и естьли что я читывалъ до сихъ поръ о сочиненіяхъ Державина, — такъ это одни только похвалы, изступленное удивленіе и по большой части возбуждающее сожалѣніе — что Державина такъ хвалятъ. Съ другой стороны можно вездѣ найти недостатки: И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста, говоритъ нашъ Херасковъ. *Sed non opus est magnis gelido lectore Poëtis*, говоритъ другой писатель древній. И надобно вѣрить, — что Гений, какъ и кто новѣйшій Литтераторъ замѣчаетъ въ своей Критикѣ, — не всегда рѣшится поставить какое нибудь выраженіе или украшеніе безъ особеннаго намѣренія; хотябъ и не угадывали мы или не видѣли сего намѣренія. Имѣя то и другое въ виду, я осмѣлюсь приступить къ разбору оды безъ всякой само-

надѣянности, съ совершенною готовностію признашь несправедливость своихъ замѣчаній, — естли кому будетъ угодно представить противныя моимъ доказательства. А для большей удобности, для сбереженія времени и уваженія къ вашему вниманію — соединю я Реторику съ Грамматикою и вмѣстѣ буду судить объ украшеніи въ слогъ и правильности въ словосочиненіи.

Ода сія начата обращеніемъ къ звуку боеваго въ часахъ колокола, который Поэтъ представляетъ голосомъ или вѣщаніемъ времени; послѣднее смягчаетъ и украшаетъ слишкомъ вольное олицетвореніе звука; металл звонъ, вмѣсто звонъ колокола—еще больше облагораживаетъ мысль. Повтореніе *зоветь* — фигура самая употребительная у учениковъ и у лучшихъ только писателей употребляемая къ спашу, — здѣсь имѣешь всю силу свою; *стонъ* не есть простая рима, а живо изображаетъ бой колокола — протяжный и унылый. Это же самое природѣ-подражательное слово употреблено Державинымъ въ другомъ мѣстѣ: Лишь *стонутъ* въ ти-

шинѣ часы, — неподобно. — Выраженіе *къ гробу приближаетъ* обоудно въ семь случаѣ и дѣлаетъ не яснымъ: къ чему отнести звукъ, — къ часамъ ли, или звону по умершемъ? — Но я уже это замѣтилъ.

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ —

Уже зубами смерть скрежещетъ;
слишкомъ кажется выражено сильно для сего мѣста: что значить человекъ противу смерти? и еще дитя? Довольно, кажется, было бы сказать: косою блещетъ и дни мои какъ знакъ сѣчетъ. Послѣдній стихъ прекрасно выражаетъ дни наши едва разцвѣтавшіе успѣвающіе и поскѣаемые косою смерти. Впрочемъ во всей строфѣ стихи, бывъ даже превращены въ прозу, не имѣютъ нужды въ новомъ перемѣщеніи словъ; и это великое совершенство въ стихотвореніи! —

Ничто отъ роковыхъ *кохтей*,
слово очень сильное; но желательно, чтобы вмѣсто *кохтей* было *руки*; никакая славянское слово употреблено вмѣсто рускаго *никакая* для избѣжанія стеченія *ка*, которое неприятно было бы разборчивому

служу. . . *Монархъ и узникъ* прошивуположность разительная, мысль самая поучительная.

Гробницы — злость стихій снѣдаетъ; въ самъ прекраснѣйшемъ стихѣ сходство только винительнаго падежа множественнаго *гробницы* съ родительнымъ единственнаго нѣсколько затрудняетъ удобопонимаемость; злость стихій, — означая дѣйствіе воздуха, дождя и жару солнечнаго, — ничего не оставляетъ и желаетъ лучшаго!

Зілетъ время славу смерть; слово *стерть* приспособлено весьма хорошо къ дѣйствіямъ славы въ надписяхъ, въ памяшникахъ представляемой; — но слова *зілетъ* и *стерть* по почному ихъ значенію не могутъ, кажется, быть соединены.

Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы; —
и близко уподобленіе, и природоподражательно ошдѣлано, — стихи и плавны, и справедливы какъ нельзя больше.

Глошаетъ царства алчна смерть
стихъ, котораго только можно ждать

было для заключенія всей строфы и который оканчиваетъ превосходно возрастающую постепенность (gradatio): люди скорѣе всего подвержены смерти, кто бы они ни были; она и мраморы, и славу изстребляетъ; она и дни, и годы похищаетъ; наконецъ самыя царства ея изглаживаются съ лица земли! Поэтъ нашъ вѣрно знаетъ вѣсь и мѣру въ понятіяхъ; много я помню его изчисленій — и вездѣ послѣдняя мысль у него полновѣсна: такъ на пр. въ Водопадѣ, исчисливъ подвиги Румянцева противъ Турокъ:

Глядѣла (Луна) и едва блистала,

Предъ старцемъ преклонивъ рога; и пр.
заключаетъ стихомъ:

Кому вселенная дивилась.

Скользимъ мы бездны на краю,

Въ которую стремглавъ свалимся;

Приемлемъ съ жизнью смерть свою, —

На то, чтобъ умереть, родимся.

Четыре стиха, въ которыхъ смыслъ совершенно одинъ и тотъ же; но Поэтъ умѣлъ дать имъ такой оборотъ, такъ умѣлъ занимать читателей противоположностями истинно пѣщическими, — что при стро-

жайшемъ только изслѣдованій можно замѣтить это; — и замѣтивъ еще то, что эти чашыра стиха прерываютъ ходъ мыслей и постепенность: ибо послѣдующіе ей строфы продолжаютъ возвышеніе предыдущей. Можешь быть есть звѣзды больше солнца, хотя здѣсь и стоишь солнце послѣ; но поэтъ описываетъ видимое, а не умомъ постигаемое. *Сокрушатся* совершенно относится къ звѣздамъ: *сокрушающа* то, что твердо — *неподвижно*; *потушаются* къ солнцамъ или солнцу, коего оцущительныя свойства для всей вселенной нами видимой суть свѣтъ и тепло: слѣдовательно и смерть его должна состоять въ *потушеніи*.

— Не мнишь лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаешь;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ. . . .
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе:
Ея и громы не быстрѣе
Слепають къ гордымъ вышнимъ!
Вся строфа написана какъ нельзя лучше.
Какъ живо предсавлена безпечность чело-

вѣка въ первыхъ двухъ стихахъ! какая игра
смертный не мнишь *умирать*! самое
лишь не для стопы! Какая тонкость
въ подобно-значащихъ *мнитъ и чаетъ*:
когда *мнилъ*, то просто думаемъ, — ког-
дажъ *чаеиъ*, то уже надѣемся — вѣримъ.
Какъ крадется вмѣстѣ съ смертію стихъ:

Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
Какъ быстръ другой:

И жизнь внезапно похищаетъ!
Какая истинна, что ни что столько не об-
манчиво, — какъ надежда на жизнь:

Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе:
Какимъ уподобленіемъ ушверждается сія
истинна:

Ея и громы не быстрѣе

Слетаютъ къ гордымъ вышнямъ!

Какъ искусно, при всей разтроганности,
приближаетъ насъ Поэтъ послѣднимъ сти-
хомъ къ смерти Князя Мещерскаго! —
Что казалось бы безопаснѣе высоты? —
но ее-то чаще и поражаетъ громъ! что
казалось бы удаленнѣе отъ смерти, какъ
не жизнь незнакомая съ нуждами, среди до-
вольства, средъ роскоши? и увy! смерти
и громы не быстрѣе слетаютъ къ гор-

дымъ вышинамъ! —

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ —

Куда, Мещерскій! ты сокрылся? —

Поэтъ обращается наконецъ къ самому предмету, возбудившему въ немъ чувства — къ смерти Мещерскаго. Вопросеніе имъ употребленное живо начинается картину, послѣ множества превосходныхъ доказательствъ, — что все подвержено смерти. Первой стихъ изображаетъ жизнь или состояніе умершаго: онъ былъ щастливецъ, человекъ знатный; составляетъ вмѣстѣ и связь съ предыдущими строфами, — кои окончаны были тѣмъ, что величіе не только не ускользаетъ отъ смерти, но еще чаще ей подвержено — и примѣръ тому Мещерскій.

Куда, Мещерскій! ты сокрылся? —

Сей стихъ выражаетъ сожалѣніе Поэта, какъ знакомаго, какъ друга, — и ту же имѣетъ по своему патетическому обороту цѣль, какую multis illo bonis etc. въ разобранной нами одѣ ш. е. обратить на себя вниманіе сѣтующаго. *Прохладъ* — слово казалось бы съ перваго разу не выражающимъ знатности Мещерскаго; но однако оно-же больше и роскоши, и нѣги вы-

ражаетъ это: вспомнимъ наши пѣсни и древнее выраженіе *жизнь прохладная* — что значила она? собраніе возможныхъ на землѣ *благъ* и еще въ молодости!

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ —
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?

Оставилъ ты сей жизни брегъ,

Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Вопъ отвѣшъ, кошорымъ изображается
смерть и изображается не просто — а двумя превосходными стихами. Ошчегожъ *брега жизни, брега смерти* употреблено
Поэтомъ столь вольное переносное значеніе? — Я этому не знаю причины. И думаю даже, что самый поэтъ не зналъ ее, — но употребилъ съ цѣлїю: вся сїя строфа выражаетъ неизвѣстность, что значить смерть человѣка? куда уходитъ духъ его? что онъ бываетъ по разлученїи съ тѣломъ? — А потому *слѣр-ти брегъ* — неопредѣленное выраженіе — выражаетъ и неизвѣстность царства смерти. Впрочемъ я думаю только такъ; утверждать же не смѣю.

Здѣсь перстъ твоя, а духа нѣтъ; —
Какое ясное доказательство и вмѣстѣ

простое и для всѣхъ понятное на то, что Мещерскій умеръ! Нельзя усомниться въ томъ — хотя мы и не знаемъ, что значить смерть; хотя всѣ отвѣты наши на подобныя вопросы — суть: *тамъ, не знаемъ, горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!*

Гдѣжь онъ? — Онъ тамъ! Гдѣ тамъ? —
Не знаемъ!

Какъ искусно Поэтъ умѣлъ въ одномъ стихѣ здѣлать два вопроса и два отвѣта, не здѣлавши стиха тяжелымъ! — Онъ какъ будто бы ничего ему не спросилъ...

Мы только плачемъ и зываемъ:

О горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!

Сомнѣніе сіе, сей ужасъ, сія скорбь очень естественныя намъ — выражены прекрасно: видѣть всечасно свое назначеніе — смерть предъ собою и не знать, что будетъ съ нами послѣ смерти, — какого человѣка не пронесетъ мысль сія? какой нуженъ степень безчувственности и въ какомъ Эпикурейцѣ, чтобъ остаться при ней хладнокровнымъ? — Осмѣливаюсь замѣтить: что такое сомнѣніе есть порочно въ

человѣкъ просвѣщенномъ Откровеніемъ. Поэтъ конечно зналъ это когда въ превосходнѣйшей Одѣ изобразилъ *безсмертіе души*; слѣдовательно ему причестъ нельзя въ вину сіе сомнѣніе. Должно однакожь знать причину, почему онъ употребилъ его здѣсь? постараемся угадать ее. — Онъ пишетъ о смерти знатнаго человѣка и въ утѣшеніе знатному. По его свидѣтельству въ строфѣ

Не мѣить лишъ смертный умирать, и пр. видно, что знатные меньше всего занимаются смертію, — или, какъ говоритъ Экклезіастъ *для нихъ горька память ея*. Но о чемъ мы меньше думаемъ; то меньше намъ и извѣстно; — или о чемъ боимся мы думать, — то всегда стараемся подвергнуть сомнѣнію и тѣмъ успокоить себя. Поэтъ представляешь такое состояніе человѣка и описываетъ со всѣми подробностями его сомнѣніе — не для того, что бы превратить въ правило для подражанія; но только дабы дать почувствовать сіе несчастное, скажу, состояніе и послѣ предложитъ утѣшеніе въ вѣрѣ или въ добродѣтели, — для коей все равно: изъ

вѣстно ли ей, что будетъ съ нею послѣ
смерти или неизвѣстно; она не беспокоит-
ся, счастлива и благословляетъ всегда
судьбу свою. Вотъ мое небольшое замѣ-
чаніе на предыдущую строфу оды Дер-
жавина.

Ушѣхи, радость и любовь

Гдѣ купно съ здоровѣемъ блистали, —

У всѣхъ шамъ цѣпенѣетъ кровь

И духъ мящется отъ печали!

Гдѣ столь былъ яствъ — шамъ гробъ
стоитъ;

Гдѣ пиршествъ раздавались лики,

Надгробные шамъ воющъ клики

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ! —

Строфа представляющая жизнь и смерть
Мещерскаго въ противоположностяхъ не-
сравненныхъ! — Поэтъ могъ изобразить
въ одной строфѣ два состоянія жизни и
смерти; я только могу это чувствовать
и удивляться могуществу Генія! — На-
добно кажется пропустить разборъ сей
строфы; ибо что бы я ни сказалъ, все бу-
детъ мало для похвалы сихъ стиховъ:
они неподражаемы въ мысляхъ, въ вѣрно-

сти, въ украшеній, — о которомъ здѣсь
кажется уже не могъ и думать Поэтъ.
Однакожь онъ думалъ о немъ, — или,
какъ я замѣчу далѣе, въ поэтѣ писать пре-
красные стихи есть — уже навѣкъ. Изъ
милліоновъ благъ встрѣчающихъ, окру-
жающихъ, сопутствующихъ нашу жизнь, —
онъ выбираетъ самыя общія, все-заключ-
ающія въ себѣ: *утѣхи, радость, лю-
бовь* и все сіе при *здравіи*! И не есть
ли уже наслажденіе читать только сіи
стихи:

Утѣхи, радость и любовь

Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,—?

Какъ прилична благамъ въ нихъ упомина-
емымъ метафора *блистали*! —

У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь

И духъ мается отъ печали!

Тош ли же сочинитель сихъ двухъ сти-
ховъ, наводящихъ совершенное уныніе — не
обходимо спросишь? Такъ они проти-
вуположны предыдущимъ двумъ! — *Цѣ-
пенѣетъ кровь* и *мается духъ* — выра-
женія не менѣе сильныя самаго дѣйствія
ими представляемаго. Но поэтъ еще ко-
роче, еще ближе, еще разительнѣе дѣлаешь

противуположность въ стихѣ:

Гдѣ стоить была несть, — тамъ гробъ
спящій.

Но онъ еще прибавляетъ два стиха, что-
бы совершенно изумить насъ и разтрогать:

Гдѣ пиршество раздавались лики,

Надгробные тамъ воютъ клики.

Можно ли все веселіе пиршества шумное,
быстрое выразить лучше нежели: *разда-
вались лики?* — Можно ли печаль по-
гребальную, медленную, утомляющую
представить вѣрнѣе сего: *надгробные
воютъ клики?* — Нѣтъ, что бы ни го-
ворили непріятели эстетическихъ про-
наведеній; но, естли и имъ когда нибудь
нравились музыка, живопись, — то и они
должны согласиться, что поэтъ можетъ
одною чертою плѣнять и трогать слухъ
и зрѣніе. Примѣръ этому сія строфа и
самымъ живописнымъ образомъ представ-
ленная смерть: И блѣдна смерть на всѣхъ
глядитъ. Онъ столько успѣлъ занять чи-
тателей, такъ владѣлъ ими, — что
при семъ стихѣ невольно долженъ будешь
ослабнуть: нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ
близъ тебя этого спрашилища — смерти?—

Глядишь на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны мѣры;
Глядишь на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядишь на прелестъ и красы,
Глядишь на разумъ возвышенный,
Глядишь на силы дерзновенны; —
И почить лезвее косы! —

Какъ согласить двѣ противности? —
Одинъ требуетъ: *non opus est magnis gelido*
lectore poetis, — и это оправдывается са-
мымъ дѣломъ: конечно сихъ напимѣръ
стиховъ не должно читать хладнокровно; —
съ другой стороны говорятъ: при эсте-
тическомъ разборѣ нужно совершенное
равнодушiе для того, чтобы не про-
пустить безъ замѣчанiя красоты и не
все хвалишь, что иногда не должно
быть хвалимо? — Такъ и здѣсь въ спро-
фѣ справедливость мыслей и полноша
ихъ превосходятъ всякую похвалу; но
нельзя не замѣтить, что кому въ держа-
ву тѣсны мѣры — выражено нѣсколько
странно: это мнѣ въ обладанiе тѣсно!
при томъ въ мѣры перемѣнено ударенiе —
мѣры; далѣе кумиры выраженiе очень не-

опредѣлительное — сташуи ли это? но онѣ весьма рѣдко и у не многихъ бывають золотыя, серебряныя; — иконы ли это или образа, особливо нашихъ старообрядцевъ? — но слово *кумиръ* слишкомъ вольно будетъ въ семъ смыслѣ, да и слово *лышнихъ* предполагаетъ вкусъ или утонченность въ роскоши, — а безвкусныя кучи золота, серебра и дорогихъ камней. Еще — какъ понимать: *у коихъ ли* въ златѣ и сребрѣ кумиры? — или *кои сали* (богачи) суть ничто иное, какъ въ златѣ и сребрѣ кумиры — бездушныя существа? — Мнѣ кажется лучше послѣднее: тогда будетъ согласно *лышнихъ богачей* со смысломъ въ обоихъ стихахъ; и даже слово *кумиръ* болѣе опредѣлительное — приличное получить значеніе. И наконецъ:

Глядитъ на разумъ возвышенный,
говорится *возвы'шенный*, а не *возвышѣнный*.
Такія мѣлочи можетъ быть покажутъ
во мнѣ суетность — выискивать недо-
статки; но Поэтъ отъ сего ничего не по-
теряетъ. Позвольте мнѣ обратить ваше
вниманіе и на красоты въ сей строфѣ,

какія могу замѣнить. Что можешь лучше напимѣръ выразить алчность завоевателей, какъ не то, — что для ихъ честолюбія не только мѣръ одинъ, но и мѣры шѣсны? или представишь великаго богача, — какъ не то, что онъ украшаетъ себя такъ какъ (кумиръ) божество? Не вся ли любезность заключена въ двухъ словахъ *прелестъ* и *красы*? *Прелестъ* объемлетъ все насъ плѣняющее въ движеніяхъ, въ пошупкахъ, въ голосѣ — даже въ добродѣтеляхъ и искусствахъ; *краса* есть совершенство лица особенно, потомъ всего сна — особливо у прекраснаго пола, далѣе она есть совершенство частей отдѣльно имѣющихъ какъ говорятъ *идеальную форму*. *Прелестъ* и *краса* въ томъ только кажутся сходны, что могутъ находиться вмѣстѣ; впрочемъ такое между ними различіе, что прелестъ безъ красоты можешь и даже должна плѣнять насъ въ подругѣ властелина шварей, — а красота безъ прелести удивляетъ только и заставляетъ холодно разсматривать себя даже въ Лаисѣ Праксителя или въ Венерѣ Медицей-

екой. Здѣсь опять осмѣливаюсь замѣтить,
мно снижи:

Гладишь на прелестъ и красы,

Гладишь на разумъ возвышенный,

могушь быть двояко понимаемы, не дѣ-
лая впрочемъ никакого помѣшательства
превосходству всей строфы—т. е. или въ
смыслѣ опорочиваеомъ: что смерть ра-
зидъ сластолюбивыхъ прелестниковъ и
прелестницъ, разидъ горделивцевъ надмѣн-
ныхъ умомъ своимъ; или въ смыслѣ та-
комъ: она не щадитъ даже и невинную пре-
лестъ, молодость, — и самый разумъ воз-
вышенный людей посвятившихъ себя нау-
камъ. Наконецъ — что возвышеннѣе и по-
разительнѣе сей картины: смерть сто-
итъ при пораженной ею жертвѣ, ниче-
му не внимлетъ, озираетъ всю вселенную
и остритъ только лезвее косы своей? Не
могу не повторить сего замѣчанія! —

Смерть — пренетъ естества и страхъ!

Мы — гордость съ бѣдностью совмѣст-
на! и проч.

Здѣсь Поэтъ снова предается влеченію
мыслей и оставляетъ предмѣтъ свой —

смерть Мещерскаго. Новое превосходное
противоположеніе начинается строфу: что
значить смерть?

Смерть — шепеть естества и страхъ!
Вотъ ея опредѣленіе, вотъ могущество!
Что значимъ мы?

Мы — гордость съ бѣдностью совмѣстна!
Какое въ самомъ дѣлѣ противоположеніе!
и какъ вѣрно представлено существо
наше: гордишься — и между тѣмъ быть
бѣдными, жалкими! Что значить человѣкъ?
сегодня онъ можетъ щипаться богомъ, —
коему всѣ поклоняются, коего всѣ шре-
пещутъ; а *завтра онъ прахъ* — ничего
больше! Сего-дня *прельщается надежда-
ми*, готовишь себѣ блаженство; а завтра
спросятъ только: куда онъ дѣвался? —
Исчезъ, какъ самый крашкій сонъ! часы
жизни его пролетѣли и поглощены вѣч-
ностію не возвратно!

А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
вопрошеніе не меньше сильное кажется и
чувствительное, какъ и у Псалмопѣвца всѣмъ
извѣстное и *се не бѣ*. Послѣдніе три стиха:

Едва часы протечь успѣли, —

Хаоса въ бездну улетѣли

И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ! —

есть вѣрное изображеніе скоротечности
времени, въ мгновеніе ока исчезающаго и
ни малѣйшихъ слѣдовъ за собой не оста-
вляющаго.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта и проч.
Сѣи двѣ послѣдующія строфы написаны,
я думаю, Поэтомъ въ совершенномъ заб-
веніи о всемъ — кромѣ себя: послѣдній
стихъ предыдущей строфы заставилъ его
обратить вниманіе на свою жизнь — и онъ
пересталъ писать стихи, онъ только
чувствовалъ, только воспоминалъ, — что
было съ нимъ, что теперь и что можетъ
случиться! Самое будущее у него вѣрно:
онъ заключаетъ о немъ изъ прошедшаго
и настоящаго. И если гдѣ искусство
меньше всего дѣйствовало, гдѣ все предо-
ставлено было одному чувству, — такъ это
точно въ сихъ двухъ строфахъ. Кто не
признаетъ въ сихъ четырехъ строкахъ, пре-
исполненныхъ красотъ и совершенства,
тоннѣйшаго описанія молодости? Не нѣ-
житъ ли тогда насъ сильно красота? не
составляетъ ли прикосновеніе къ ней для
насъ жизни — пробѣгающей по всему нашему
составу? Не тогда ли только мы чувствуемъ

истинное восхищеніе отъ радости? не тогда ли въ легкомысліи и беззаботливости, въ легчайшемъ дѣйствіи на насъ огорченій — какъ тусклости насъ, — обрѣщаемъ мы благополучіе, о которомъ всегда въ послѣдующей жизни вспоминаемъ съ улыбкою — сквозь слезы сожалѣнія? И не вѣрно ли опять описаніе зрѣлыхъ лѣтъ, — когда человѣкъ денно и ночно мучится думами: какъ свискать честь себѣ, которая въ младости составляла только забаву воображенія, — какъ достигнуть славы, которая заглушаетъ теперь все для него? Много есть описаній возрастовъ жизни; но нигдѣ удачѣ, полнѣ, короче не находилъ я ихъ, — какъ здѣсь.

Зовешь, я слышу, славы шумъ! —

Сей послѣдній стихъ можетъ быть относиться къ какому нибудь частному обстоятельству Поэта; но литераторы должны ждать того времени, какъ Державинъ или самъ объявить намъ мѣста сіи — или доставить кому нибудь свои записки и снабдить изустными свѣдѣніями. Иначе многое въ его стихотвореніяхъ или темнымъ останется, или не будетъ имѣть того

совершенства. — какое видно было бы по приспособленіи стиховъ къ случаямъ. Сколько положено труда надъ поэтами древними, дабы объяснить ихъ!! Неужели и грядущіе вѣки должны будутъ такъ же сомнѣваться, спорить и не понимать произведеній Музы нашего времени? —

Но такъ и мужество пройдетъ, —

И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленіе! Вошъ пророчество довершающее картину перехода изъ возраста въ возрастъ, отъ страстей къ страхамъ, — перехода, который необходимъ по вѣчнымъ законамъ и котораго однакожь нельзя замѣчать съ Поэтомъ безъ сожалѣнія. Еще для него не пришло время старости; но онъ уже чувствуетъ, что придетъ оно скоро:

Но такъ и мужество пройдетъ, —

И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленіе!

Богацствъ стяжаніе минетъ, —

не потому, что бы нельзя было физически приобретать ихъ; а потому, что нелепно будетъ ихъ приобретать, — *стяжаніе* здѣсь кажется значимъ *желаніе* *стяжеваніе*.

И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненіе
 Прейдетъ придетъ въ чреду свою....
 Нельзя кажеся лучше выразить этой
 безпрестанной переменѣ страстей въ серд-
 цѣ, какъ сказать *волненіе страстей*: онѣ
 въ насъ мѣняющся до тѣхъ поръ, пока
 рука старости все упишитъ — здѣлаетъ
 насъ ко всему равнодушными; или какъ
 сердце наше, утомленное непрерывными
 порывами страстей, воспрещитъ входъ и
 малѣйшему желанію. Стоить только вни-
 машельно посмотришь и сравнить ста-
 рика съ юношей — съ человѣкомъ возмуж-
 нымъ въ какой нибудь сильной страсти;
 и мы повѣримъ Поэту, что въ сердцѣ
 всѣхъ страстей волненіе прейдетъ нѣко-
 гда. Естьлижъ и бываютъ феномены пыл-
 кихъ страстей въ старикахъ, то это
 феномены рѣдкіе... Поэтъ до того ра-
 зпроганъ мыслію о переменѣхъ, — что
 отказывается добровольно и заранѣе отъ
 всѣхъ возможныхъ благъ, дабы не быть
 утомлену ихъ превращенностію — ихъ тще-
 стою; дабы послѣ не терзаться обез-
 силеннымъ сердцемъ, что ничто больше
 ему не служишь — и онъ восклицаетъ:

Подите счастья прочь возможны!

Вы всё премѣнны здѣсь и ложны; —

Я въ дверяхъ вѣчности стою!

Послѣдній стихъ выражаетъ желаніе — думать только о томъ, приговаряя только то, — что отворяетъ намъ двери вѣчности. И конечно это не должны быть здѣшнія, ложныя блага, — а добродѣтель.

Она есть благъ прямыхъ содѣтель, какъ свидѣтельствуешь онъ самъ въ одѣ на панихиду по Лудовикѣ XVI.

Симъ стихомъ оканчиваетъ онъ безпримѣрное отступленіе, самое прогашельное выраженіе чувствъ своихъ — отдѣланное съ неподражаемымъ искусствомъ. Я уже прежде замѣшилъ, что въ семь отступленій кажется меньше всего Поэтъ думалъ объ искусствѣ; и совершенно не знаю, — можно ли было при такой разпрогашности помышлять объ украшеніи — плавности и чистотѣ слога? Опытъ увѣрялъ меня нѣсколько разъ, что при стихосложеніи — когда сильно чувствуешь, не можешь отдѣлывать безпогрѣшительно стиховъ и всегда прощаешь себѣ недо-

статки; когда же принимаеиъся отдѣлывать стихи, чтобъ не подвергнуться критикѣ, — то хладѣетъ чувство. И потому оемѣливаюсь здѣлать замѣчаніе: у Генія или самое внѣшнее стопосложеніе должно быть не искусство избѣгать только недостатковъ, а искусство и навѣкъ уже писать прекрасныя стихи; или такъ сильно должно быть въ немъ воображеніе, такъ постоянны чувствованія, — что онъ можетъ заниматься постороннимъ, не теряя силы вообразительной, не охлаждаясь въ чувствахъ до тѣхъ поръ, — пока не отдѣлаешь мысли своей — пока сей прекрасный брилліантъ не оправитъ въ приличное ему украшеніе.

Въ предыдущихъ двухъ строфахъ я не замѣчалъ ни украшеній риторическихъ, ни правильности въ словахъ; причинажъ этому не та, будто бы нечего было замѣчать: ибо все въ нихъ прекрасно, все правильно. Но я не знаю, какъ выразить это прекрасное, какъ его называть: ибо Риторики писаны для учениковъ, а не для генія. Чтоже суть украшенія въ геніѣ? — То, когда мы чувствуемъ, какъ онъ самъ

чувствовалъ; тѣмъ восхищаемся, чѣмъ онъ восхищался самъ. Здѣсь на пр. въ стихахъ:

Но такъ и мужество пройдетъ, —

И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленіе;

Богатствъ смяжаніе минетъ, —

И въ сердцѣ всѣхъ спасшей волненіе

Прейдетъ, преидетъ въ чреду свою...

есть какое то необыкновенное выраженіе, есть сожалѣніе и вмѣстѣ ропотъ; но этого ни подъ какую извѣстную въ Реторикахъ фигуру я подвести не умѣю. И напротивъ я имѣю теперь случай чистить множество стиховъ, — въ которыхъ ощутительно и поимянно вижу и знаю фигуры *личнѣй* и *рѣченѣй*, тропы и метамфоры; а въ сердцѣ отъ того не чувствую ни малѣйшаго удовольствія, — ничего не могу осуждать, но и хвалить также. Даже на вопросъ автора *каково?* не знаю совсѣмъ что и отвѣчать. Но что всего удивительнѣе — такъ тоже самое, не смотря на врожденное всѣмъ самолюбіе, чувствую иногда и при собственныхъ стихахъ своихъ, — кои обыкновенно пишу и жгу.

Чтожь такое *правильность* въ словахъ у Генія? Почти тоже, что украшенія п. е. когда читая его ни при одномъ словѣ не чувствуешь неудовольствія, все заставляетъ читать далѣе, все увеличиваетъ первое приятное ощущеніе. Она однакожь *правильность* возможна и для обыкновенныхъ умовъ; и ее прекрасно называлъ одинъ изъ моихъ приятелей *отрицательнымъ вкусомъ*. Сюда кажется можно также отнести и всѣхъ тѣхъ криптиковъ, — кои все разбирають, осуждаютъ, поправляютъ на словахъ; а сами ничего даже и посредственнаго написать не могутъ.

Наконецъ я обращаюсь къ заключенію нашей оды, здѣлавши небольшое отступленіе, — дабы нѣсколько дать успокоиться чувствамъ. Поэтъ и самъ долженъ былъ, я думаю, не вдругъ послѣ строфы

Но такъ и мужество пройдетъ и пр. приступитъ къ заключенію оды своей: таинъ онъ былъ разстроганъ; теперь видно въ немъ спокойствіе. И сіе спокойствіе хочетъ онъ перелить въ душу сѣтующаго

Перфильева о смерти друга своего Ме-
щерскаго.

Сей день — или завтра умереть,

Перфильевъ! должно намъ конечно:
Вотъ истинна, доказанная цѣлою одою;
вотъ стихи примѣрно плавные, соотвѣт-
ственно ихъ содержанію и цѣли.

Почтожь терзаться и скорбѣть,

Что смертный другъ твой жилъ невѣчно?
Въ сихъ двухъ стихахъ таже самая мысль,
что и у Горация въ

Tu frustra pius (heu) non ita creditum

Poscis Quintilium deos;

только убѣдительное, приятное, вырази-
тельное. И сколько тамъ трудно переве-
сти *non ita creditum*, столько здѣсь прекра-
сно сказано *смертный другъ жилъ невѣч-
но*. Какъ изобразительны гении! читая
одного думаешь, что уже лучше ничего
сказать нельзя; читая другаго — разувѣ-
ряешься въ этомъ.

Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ, —
Вотъ опроверженіе нашего страха,
вотъ утѣшеніе для брэнной жизни на-
шей: она есть мгновеніе, такъ; но мгнове-
ніе даримое Небомъ, — и какъ сія жизнь

здругъ становишься сносною, приятною, безцѣнною ! !

Устрой ее себѣ къ покою ;

Вотъ совѣтъ истинно Христіанскій. Гордый могъ совѣтовать другу сносить только равнодушно и какъ будто съ какою то суровостію то, чего перемѣнить нельзя ; Державинъ совѣтуетъ даже и въ самыхъ несчастіяхъ находить спокойствіе, щастіе. Ктожъ открылъ ему сіе средство спасительное въ бѣдахъ ? Религія, — она научаетъ насъ : что жизнь не есть жизнь, а только приготовленіе къ жизни ; что будетъ другая блаженная, — которой бѣды нами здѣсь претерпѣваемы не только не вредятъ, но еще они-то ее намъ и доставляютъ ; — что слѣдовательно очень можно быть спокойну, щастливу мыслию, — когда, терпя не большія неприятности, приготовляемъ шѣмъ себѣ вѣчное благополучіе. И потому

И съ чистою швоей душою
съ чистою, сказала Поэтъ, непорочною —
неропотшною душою

Благословляй Судебъ ударъ.

Судебъ, которые все устроятъ во благо, — какъ бы язвительно ни осмѣивалъ мысль сѣю жалкій безумецъ при всей его ученой славѣ; Судебъ или Бога, — предъ Которымъ все есть добро, что для ограниченаго нашего ума ни носить на себѣ видъ зла, — и Котораго законъ есть: *вѣчное согласіе во всемъ!*

Кончивъ мой слабый разборъ прервосходной оды Генія прославившаго Россію, я приступаю теперь къ сравненію оды Горація съ сею, — дабы разрѣшить заданный мнѣ вопросъ. Сравненіе сіе не будетъ обширно; потому что вы изволише сами разсудили лучше, нежели я (по моимъ замѣчаніямъ при разборѣ): кто изъ двухъ Поэтовъ превосходнѣе — Горацій или Державинъ? Конечно по двумъ только ихъ одамъ нельзя здѣлать рѣшительнаго заключенія; покрайней мѣрѣ тѣ, кои думали, — что нельзя и сравнивать Державина съ Гораціемъ, увидяшъ опрометчивость своихъ сужденій. Если же время и обстоятельства позволятъ; то я отважусь здѣлать сравненіе Державина съ Гораціемъ и какъ поэтовъ вообще во всѣхъ

нихъ творенiяхъ. Сравненiе сiе тѣмъ теперь необходимѣе, что и Державинъ также преселился въ вѣчность; слѣдовательно хулители его свойствъ должны умолкнуть, ласкательши такъ же, и начинаться безпристрастный судъ потомства, — какъ самъ Державинъ пророчилъ въ своемъ *Истуканѣ* (*).

Четыре, кажется, только и есть главнѣйшихъ свойства, — которые для всякаго поэта необходимы и по которымъ поэтъ или приобретаетъ себѣ вѣнецъ славы, или не приемлется въ число любимцевъ Фебовыхъ. Сiи свойства суть: *справедливость мыслей и связь логическая между ними, правильность въ словахъ, особенная выразительность въ слогѣ или украшенiе, и наконецъ приличiе или вкусъ* — или вообще эстетическое чувство. Подъ каждымъ изъ сихъ свойствъ заключается многое; но какъ я руководствовался сими же свойствами при разборѣ одъ Горация и Державина и говорилъ тамъ о нихъ нѣсколько пространнѣе, — то и хочу здѣсь здѣлать только простыя слѣдствiя или заключенiя о шалантахъ Горация и Державина.

(*) Это прибавлено послѣ прочтенiя лекцiи. Соч.

Что касается до справедливости мыслей; — то безъ сомнѣнїя Горацій и Державинъ равны: тошъ и другой описывалъ природу и очень вѣрно. Но связь логическая примѣтно вездѣ не столько занимала Державина, сколько Горація — и въ семь конечно уступаетъ нашъ поэтъ Римскому. Не говоря о замѣченномъ мною мѣстѣ въ одѣ Державина:

Скользимъ мы бездны на краю и проч. прерывающемъ смыслъ, — есть у него мѣста хотя безподобно отдѣланныя; но кои, кажется, будучи опныты не здѣлали бы недостатка въ поэмѣ сочиненїи. Такъ на пр. въ Водопадѣ строфу:

Подъ древомъ при зарѣ вечерней

Задумчиво любовь сидитъ;

Отъ ципры вѣтерокъ весенній

Ея повсюду голосъ мчитъ;

Перлова грудь ея вздыхаетъ, —

Геройскій образъ оживляетъ.

не могу я согласить ни съ предыдущею, ни съ послѣдующею; естьли только не разумѣль здѣсь Поэтъ какого нибудь особеннаго случая и долженъ былъ сказать о немъ не ясно. Горацій же на про-

шивъ вездѣ даже почтенъ въ логической связи, хотя бы съ перваго разу и не могли мы видѣть её. Впрочемъ оянтъ надобно замѣтить: что поэту, если онъ имѣетъ справедливую причину, позволяется иногда отступить отъ неизменно строгихъ правилъ логическихъ.

Правильность въ словахъ есть такое свойство, въ которомъ отчетъ давая можетъ одинъ только изъ сравниваемыхъ мною стихотворцевъ — Державинъ. Ибо Горацийъ *въ словахъ* есть образецъ, правило, — по немъ составлялись самыя Грамматики для Латинскаго языка; слѣдовательно всѣ слова его должны быть *правильны по необходимости*. Державинъ же напротивъ долженъ былъ свѣрять свои слова съ грамматикою. И хорошо еще, если бы съ одною Грамматикою: она есть степенная наставница; — а-то долженъ былъ онъ слушаться употребленія — непостояннѣйшаго модника. При всемъ томъ однакожъ столько успѣлъ онъ силою таланта своего, важностию заслугъ своихъ въ Поэзїи, — что и теперь и на всегда многія слова имъ созданныя, со-

спавленные, перемѣненные приняты самым употребленіемъ, какъ на пр. *багрянецъ, огнезвѣздный, стальнo-чешуйчатый, мѣры, вращающейся*. Слѣдовательно, если ужъ нельзя сравнивать въ семъ свойствѣ Горація и Державина, такъ по крайнѣй мѣрѣ можно видѣть: что одного защищаетъ время, другой хочетъ принудить время освящать слова свои; что Державинъ, пресупаясь противъ сего правила, жертвуетъ имъ вездѣ превосходнѣйшимъ мыслямъ, кои отъ другаго слова больше правильнаго потеряли бы много цѣны своей. Такъ на пр. въ поправленномъ Водопадѣ въ 59 строфѣ вмѣсто *Вѣнцедатель, Рука съ вѣнцемъ* гораздо меньше значить и даже темнѣе, — хотя и правильнѣе по грамматикѣ, нежели прежнее.

Что касается до прешьяго свойства — *особенной выразительности въ слогѣ или украшенія*; то я осмѣлюсь отдать преимущество поэту — любимцу Екатерины предъ поэтомъ — любимцемъ Августа. Пусть всякой внимательнѣе перечитаетъ двѣ оды мною разобранныя; пусть самъ безпристрастнѣе къ тому и другому сти-

хотворцу разбереть красоты въ нихъ; пусть сравнитъ ихъ; — и безбоязненно надѣюсь — всякой подтвердитъ мое заключеніе тѣмъ больше, — что предмѣтъ въ обоихъ одинаковъ, случай тотъ же, обстоятельства совершенно подобны. Прибавлю къ сему, что красоты Горація больше суть частныя красоты: надобно очень хорошо знать Исторію Рима, древнюю Мифологію, — чтобы ихъ чувствовать; а оду Державина безъ всякихъ отношеній къ Россіи всѣ націи, во всѣ вѣки кажется будутъ чувствовать — цѣнить дорого: ибо красоты въ ней суть общія для всѣхъ красоты. Кто же не согласится въ томъ, что нравящееся большому числу людей (образованныхъ разумѣю) должно быть лучше того, что нравится меньшему числу? — Память и воображеніе представляютъ мнѣ два поля обширнѣйшихъ — всѣ лирическія стихотворенія Горація и Державина, поля усыянные цвѣтами красотъ слога. И если бы я осмѣлился сравнивать цвѣты сіи и давать преимущество сѣмелямъ ихъ; то вѣрно Державинъ вездѣ превзошелъ бы Горація. Но

для сего потребно много времени; — ибо всѣхъ одъ у Горація 122, у Державина 267, — а для каждой изъ нихъ по крайней мѣрѣ столькожъ употребить должно времени, сколько я употребилъ теперъ; и это составитъ трудъ не дней, а цѣлыхъ мѣсяцевъ! Чтобы однакожъ не показаться пристрастнымъ къ ошечественному поэту предъ чужимъ, — я представлю одну только строфу изъ Водонада Державина — оды неподражаемой:

Не такъ ли съ неба время льется,
Килитъ стремленіе страстей,
Честъ блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней, —
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорьби, старость? —
И пусть найдутъ мнѣ въ Гораціѣ мѣсто,
которое бы могло сравниться съ сею
строфою: — гдѣ поэтъ - Философъ -
живописецъ представляетъ въ глаголахъ
картину неподобную находящейся предъ
его глазами натуры; и *иными ли* *сущест-*
тельными изображаетъ другую картину
жизни человѣческой; сравниваетъ ихъ не
употребляя утомительныхъ частицъ какъ

такъ; рисуешь и ошпѣняешь со всѣми подробностями въ шести стихахъ то, что требовало бы множества картинъ — цѣлыхъ книгъ; восхищается и прогаешь, увеселяешь и учишь. Знаю — есть люди, кои скажутъ можетъ быть противъ сего то же, что одинъ математикъ сказалъ прочитавши трагедію Корнеля: *этимъ ничего не доказано*; знаю и прекрасную половицу сказанную для сего самимъ кажется Аполлономъ. Но я говорю для людей умѣющихъ цѣнить таланты равно стихотворцевъ, математиковъ и всѣхъ умовъ отличныхъ въ наукахъ. Еслилижъ кто подумаетъ, что одна только и есть у Державина строфа столь совершенно отдѣланная; то я напому о цѣлой одѣ на панихиду по Лудовикѣ XVI. Въ сравненіе съ нею можно привести 7-й Эпидонъ Горация; ибо оба стихотворцы сильно были потрясены предмѣтами возбуждавшими въ нихъ Генія: Горацийъ описывалъ междоусобныя войны Рима, Державинъ представилъ ужасы Французской революціи. И сіе сравненіе, кто его здѣлаетъ, надѣюсь также не обличитъ меня

въ христрастїи: будто въ украшенїи слога и даже въ рѣзкости и возвышенности мыслей осмѣлился я отдать преимущество Державину предъ Гораціемъ.

Наконецъ слѣдуетъ намъ сравнить стихотворцевъ въ отношенїи къ *приличію* или *вкусу* или *эстетическому чувству*. Подъ сими тремя названїями заключается одинъ смыслъ т. е. поэтъ, удовлетворяя сему четвертому свойству Поэзіи, долженъ написать то, — что естьли не всѣхъ людей образованныхъ, такъ бы по крайнѣй мѣрѣ большую часть изъ нихъ занимало; — и такъ написать, что бы *нравилось*. Слѣдовательно для сего свойства не нужно названїе Оды, Рондо, Мадригала, Диѳирамба, Сонета, Станса и проч. и проч.; нужно только, что бы это занимало — *нравилось*; нужно только, что бы удержано было приличїе *кто лишаетъ и что лишаетъ*. И такъ чѣмъ кто разнообразнѣе въ своихъ сочиненїяхъ, чѣмъ вѣрнѣе удерживаетъ шпиль или слогъ приличный предметамъ; тѣмъ больше нравится и тѣмъ предпочтительнѣе предъ судомъ члпшателей. — И въ семъ отно-

шеніи Державинъ естли не превосходитъ Горація, то вѣрно ему равняется. Въ одахъ, кои я теперь только разбиралъ, оба они занимательны — оба нравятся; только, какъ я замѣшилъ уже, Державина мысли больше общи, — нежели Горація. Естлижъ я опять обращаю вниманіе на всѣ ихъ лирическія стихотворенія; то Державинъ многообразнѣе: у него стихотворенія есть возвышенныя, — каковы ода Богъ, Изображеніе Фемиды, Успокоенное невѣріе, Безсмертіе души; есть нравственныя какъ то: На возвращеніе Зубова изъ Персіи, Къ моему сосѣду, Кротость, Водопадъ, На коварство; есть анакреонтическія — цѣлая книга и не подражаемая Рускія дѣвушки, по стихамъ коихъ можно кажется плясать, какъ по самой веселой музыкѣ; — есть сатирическія, какъ на пр. На щастіе и еще нѣкоторыя; — есть и шакія, для оригинальности коихъ нѣтъ еще названія, каково: Атаману Войска Донскаго Платову; похвальные же оды Державина всякому извѣстны. Горацій не представляетъ такого разнообразія въ своихъ стихотво-

реніяхъ: они почти только нравственные, похвальные, анакреонтическія. Въ нравственныхъ Державинъ превосходитъ Гораций; въ похвальныхъ Гораций превосходитъ Державина тѣмъ, что искуснѣе умѣетъ скрывать самыя лестныя похвалы своимъ героямъ и не представляться нигдѣ принужденнымъ; въ анакреонтическихъ Державинъ есть точный Анакреонъ, а Гораций только эпикуреецъ;— и еслили осмѣлюсь сказать свое мнѣніе, то у сего послѣдняго анакреонтическихъ совершенно одна только *Ad Lydiam*:

Donec gratus eram tibi et ect.

Въ возвышенныхъ одахъ Державинъ единственъ. Правда, что предметъ ихъ не былъ извѣстенъ Горацию, — его религія почти ни малѣйшаго не давала ему понятія о Богѣ; это понятіе снесено намъ съ неба самымъ Богомъ, — и Державинъ умѣлъ переселить мысли Опокровенія въ стихи свои. Ибо до него ни одинъ поэтъ у всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ не осмѣлился написать подобной оды *Богъ*; ни одинъ не проникъ столько въ сердца Царей—истинно на себѣ носящихъ образъ Царя небесъ, — какъ проникъ онъ пред-

ставивъ въ *Изображеніи Фелицы* еію Мо-
нархиню облокошившуюся на Зороастревъ
ис пуканъ, смотрящую на всю вселенную съ
высоины Россійскаго престола и вѣщающую:

О ты Превѣчный,

Который волею своей
Колеса движешь быспропечны
Врапящейся природы всей!

Когда Ты еси душа едина
Движенью сихъ огромныхъ шѣлъ;
То Тыжь конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ:
Тобою царства возрастають,
Твое орудіе Цари;
Тобой они и померцають,
Какъ блескъ вечернія зари. —

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель —
И зижду щастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу;
Самодержавья скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоена любви —
Надзрѣнія Твоихъ очесъ, —

Чтобъ я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ —
Тебѣ отъиѣстствовать могла, —
И чувствъ души моей открытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала!,,

Чѣмъ больше привожу себѣ на память
стихотвореній Державина; тѣмъ больше
увѣряюсь въ превосходствѣ его. Кто на
примѣръ можетъ сравниться съ нимъ въ
возвышенности мыслей, представляющихъ
неизмѣримое пространство раздѣляющее
небо отъ земли:

Надъ безднами горящихъ тѣлъ,
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала мѣра, —
Отколь — среди зыбей ээира —
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ соли-
цевъ видѣ, —

Какъ злачный червь по тѣмѣ блеститъ;—

Тамъ внемлетъ насѣкомыхъ Богъ :

Мой вопль проникъ въ Его чертогъ!

По изчисленіямъ Астрономовъ лучъ
отъ солнца до земли долетаетъ въ 8-мѣ
минутъ чрезъ пространство почти 148 мил-
ліоновъ верстъ; каковожъ должно быть раз-

стояніе тѣхъ звѣздъ, отъ коихъ до насъ
лучъ въ 7000 лѣтъ не успѣлъ еще доле-
тѣть! Но сихъ звѣздъ бездны го-
рятъ въ небѣ! и надъ сими еще звѣздами
обитаесть Всемогущій Богъ!! И это од-
накожъ пространство, подлинно не измѣ-
римое и даже — постижимое уму од-
ного только Генія, пролетаетъ въ нѣ-
сколько секундъ — желаніе твари ко
Творцу, молитва человѣка къ Богу!! —

Удивляюсь Мм. Гг. Генію Поэзіи Рос-
сійской! Черезъ него сильнѣе чувствую ве-
личіе Творца и благость Бога моего. —
Коего люблю, предъ Коемъ благоговѣю и
повергаюсь въ ничтожество!! — И есть
ли даже пристрастно судилъ я дѣлая
сравненіе нашего Поэта съ Горациемъ;
но извиняю мнѣ самое пристрастіе: я
Руской и говорилъ о славѣ Россіи!! — (*)

Евграфъ Филомавитскій.

(*) Читатели Вѣстника Европы и Украинскаго Вѣст-
ника воспріяли много мыслей въ сей лекціи по-
хожихъ на мысли Князя Вяземскаго о Державинѣ;
(Вѣст. Евр. N 15). Но сочинитель оной можетъ
увѣрить, — что мысли ни списаны, ни подражаемы
быть не могли: ибо лекція сія читана въ началѣ
Маія сего года. Впрочемъ всегда за честь себѣ по-
считавшъ — чувствовать такъ же какъ чувствуютъ
наши извѣстные литераторы. Ф.

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

*Отрывки изъ Писемъ о Малорос-
сiи А. Левшина. (*) Пис. 4, 5 и 15е.*

(Вотъ еще цвѣтокъ съ нашего поля!
Кто не порадуется отъ чистаго сердца,
видя появленiе новыхъ произведе-
нiй въ области нашей Украинской Сло-
весности? Мы надѣмся, что Читатели
наши раздѣлять съ нами удовольствiе, —
которое мы ощущали при чтенiи сихъ
писемъ. Любезный Авторъ умѣетъ сое-
динять приятное съ полезнымъ — чув-
ствованiя съ сужденiями, льститъ
уму и воображенiю. Онъ съ такою же
легкостью отмѣчаетъ черты важныя для
бытописателей и любомудровъ, съ ка-
кою рисуетъ ошiбки лучшихъ кар-
тинъ природы его окружающей. Чте-
нiе сей книги можно нѣкоторымъ обра-
зомъ сравнить съ приятною прогулкою,
на которой впрочемъ пунникъ долженъ
иногда остановиться для лучшаго раз-
личенiя предмѣтовъ.)

(*) Книга сiя скоро выйдетъ изъ печати.

Письмо 4. Полтава.

Прахъ воиновъ, какъ Рускихъ такъ и Шведскихъ, падшихъ здѣсь на полѣ брани—покоится въ 4 верстахъ отъ города.

Тамъ видна куча земли съ воздвигнутымъ на ней вызолоченнымъ крестомъ.

Всеразрушающая коса времени не щадитъ сего драгоценнаго для насъ наслѣдїя: земля осѣдаетъ, насыпь изглаживается. Еще нѣсколько лѣтъ, — и слѣды ея исчезнутъ.

Поздныя потомки истинныхъ сыновъ Россїи придутъ искать остатковъ сей могилы, придутъ поклониться праху мужественныхъ предковъ своихъ; но они уже найдутъ здѣсь поле воздѣланное руками поселянина, подъ плугомъ котораго захрустятъ жести и зазвонитъ оружіе излѣвшихъ воиновъ.

Вспомните Виргилїя и прекрасные его стихи:

..... Tempus veniet cum finibus illis
Agricola, incurvo terram molitus aratro,
Exesa inveniet scabra rubigine pila,

Aut granibus rastris galeas pulsabit inanes,
Grandiaque effosis mirabitur ossa sepulchris (*).

Такъ вѣщаль творецъ Енейды, обращаясь къ полямъ Македонскимъ, — на коихъ скрытъ былъ прахъ Римлянъ убитыхъ подъ знаменами Юлія Цезаря, Помпея, Августа, Брута и Кассія; такъ вѣщаль онъ, — и предвѣщанія его сбылись.

Также думаль и я взирая на могилу Рускихъ и Шведовъ.

Предчувствіе горестно, но событіе неизбежно! Законъ природы неизмѣняемъ, время неумолимо! Разрушенные царства, изглаженные города, истребленные народы: все возвѣщаетъ намъ слѣды вѣковъ, все возвѣщаетъ общій конецъ к подтверждаетъ слова безсмершнаго Хераскова:

Къ чему серпомъ своимъ коснешся,
Гдѣ время только пробѣжитъ, —
Все гибнетъ, ржавѣетъ и рвется;
Покрыто мхомъ сѣдымъ лежишь.

Виноватъ! я забылъ что вы причислили меня къ числу путешественниковъ, которымъ запрещаютъ изъяслять чувствованія свои. . . .

(*) *Georgica.*

Письмо 5. Деревня. Ч....

Распростившись съ Полтавою и въ послѣдній разъ поклонившись памятнику, мы пустились вчера вечеромъ въ путь.

Въ верстѣ отъ города осребрила насъ выкатившаяся изъ за облаковъ луна. При первомъ взглядѣ на нее и на поле, по которому разливался блѣдный свѣтъ ея, воспоминанія увлекли меня.

Также, думаль я взирая на нее, также возходила она можетъ быть послѣ Полтавской брани, — когда здѣсь отдыхалъ на лаврахъ мужественный, предприимчивый, великій ПЕТРЪ; которой, лежа среди пуль и ядръ между рядами воиновъ, металъ на сіи равнины побѣдоносныя молніи свои. Таковойже прускльй блескъ освѣщаль можетъ быть бѣгущаго съ полей Полтавскихъ отважнаго, неустрашимого, храбраго Карла, — которой съ прострѣленною ногою сидя въ качалкѣ являлся здѣсь предъ унылыми ратниками своими и возжигалъ въ нихъ духъ мужества. Такіе же блѣдные лучи ударялись здѣсь въ облака сѣраго дыма, скользили по ружьямъ и поглощались пошочками ды-

мѣщейся крови, въ которыхъ плавали тысячи умирающихъ воиновъ!...

Какая разительная противоположность между прошедшимъ и настоящимъ!

Гдѣ раздавались ужасные стоны, прерываемые восклицаніями побѣдителей, — тамъ слышны шеперь только веселыя пѣни. Въмѣсто сіяющихъ мечей, — сверкають одни плуги. Поля обогрѣнныя кровію, — покрыты хлѣбомъ, правою, многочисленными стадами и крестьянскими домиками, — въ которыхъ поселяне наслаждаются спокойствіемъ и мирною жизнію. Благодаря Всевышняго грома войны не тревожатъ ихъ.

Письмо 15. Деревня Ракицы.

Вчера въ 10 часовъ утра бросился я въ объѣѣ милыхъ КК — евѣ; вчера приѣхалъ я въ Ракицы, гдѣ ожидали меня тихія удовольствія дружбы.

Я не сыскалъ здѣсь ничего удивительнаго, не видалъ ничего любопытнаго; но нашелъ милыхъ для сердца моего и почитенныхъ, привѣтливыхъ, добрыхъ родителей ихъ. Меня приняли съ знаками

живѣйшаго удовольствія, встрѣпили съ непритворною радостію, — и два дни непримѣнно протекли въ дружескихъ бесѣдахъ, два дни промчались въ обществѣ съ любезными сердцу!

Мы не увѣряли другъ друга въ привязанности, не клялись во взаимной любви, не мечтали объ идеалахъ дружбы — составленныхъ Волперомъ и Жанъ Жакомъ Руссо, не думали о Пифагорѣ, Аристотелѣ, Цицеронѣ, ни о похвалахъ, которыми превозносили они дружбу; не упоминали о Монпешкье, Риваролѣ и не старались причислять себя ни къ одному изъ шѣхъ трехъ родовъ, на которые сей послѣдній раздѣлялъ друзей. Прекрасные стихи, въ которыхъ Капнистъ и К. Долгорукій воспѣвали дружбу, были также забыты нами.

Мы говорили только о себѣ и взаимныхъ чувствахъ, мысляхъ, предпріятіяхъ. Вспоминая прошедшее, раздѣляли минувшія удовольствія и печали; жалѣли о первыхъ, радовались — что исчезли послѣднія. Представляя себѣ будущее, ста-

рались угрожающія огорченія и безпокойства разрушить приятными надеждами.

Несясь за воображеніемъ въ міръ очарованій, хватались за колесо счастья; возносились съ нимъ на высоту почестей; строили замыслы; — и потомъ подобно Альнаксару опять падали, представляя странство того пуши, — который надлежитъ намъ пройти и на коемъ блестятъ веселые призраки насъ теперь къ себѣ манящіе.

Во всѣхъ сихъ мечтаніяхъ и воздушныхъ предпріятіяхъ общимъ желаніемъ нашимъ было — вмѣстѣ жить, общию бязнію — встрѣча такихъ обстоятельствъ, — въ которыхъ и священные связи дружества не облегчаютъ нашихъ горестей, не умножаютъ радостей и не освѣщаютъ заката жизни нашей, — который можетъ быть будетъ покрытъ мрачными тучами.

Вижу что не у мѣста излилъ я сердечныя чувствованія мои; но въ оправданіе вмѣстѣ съ Моншескье скажу: *я влюбленъ въ дружбу.*

Закрываю письмо мое описаніемъ памятника приятныхъ минутъ, мною оста-

вденнаго въ Ракишахъ. Такъ! я оставилъ здѣсь памятникъ дружбы, я оставилъ здѣсь имя мое. Въ саду подъ тѣнью густыхъ листьевъ на трехъ молодыхъ деревьяхъ, коихъ вѣтви сплелись, увидяшъ его здѣсь между именами милыхъ друзей и хозяевъ. . .

Миссисипи.

(Изъ Шатобриана).

Рѣка сія, протекая болѣе тысячи миль, орошаетъ прелестную страну, которую жители Соединенныхъ Областей называютъ новымъ раемъ, а Французы приятнымъ именемъ Луизианы. Тысяча другихъ рѣкъ—суть ея данницы: Миссури, Иллинуа, Арканза, Огіо, Вабашъ и Теннесси мутятъ ее своимъ иломъ, обогащая своими водами. Когда всѣ сіи рѣки подымаются отъ зимнихъ разливовъ, когда бури опустошаютъ цѣлые лѣса, — время собираетъ на всѣхъ источникахъ вырванныя съ корнями деревья; оно свя-

зываетъ ихъ стѣблющимися растѣнїями, сплачивантъ шиною, насаждаетъ на нихъ молодые кустарники и новое свое произведенїе пускаетъ по водамъ. Сїи плоты, гонимые пѣнящимися волнами, несутся со всѣхъ сторонъ въ Миссисипи. Она приемлетъ ихъ на себя и гонитъ къ устью своему, чтобы тамъ составить новый рукавъ. Иногда реветъ она, проходя подъ горами, — и разлиываетъ воды свои выступившіе изъ береговъ вокругъ колонадъ лѣсныхъ и пирамидъ Индейскихъ гробницъ: это — Ниль пустынный! Но въ картинахъ природы прелесть всегда присоединяется къ великолѣпію. Между тѣмъ какъ средняя стремнина увлекаетъ въ море обломки сосенъ и дубовъ, обѣ боковыя несутъ вдоль береговъ плывучіе острова пистїи и ненюфара, — коихъ желтые цвѣты образуютъ небольшїя бесѣдки. Зеленые змѣи, синїя цапли, молодые крокодилы садятся на сїи цвѣточныя корабли; и такая колонїя, несомая на златыхъ тихо надуваемыхъ парусахъ, заплываетъ усыпленная въ какой нибудь уединенный заливъ рѣки.

Берега Миссисипи представляют картину самую необыкновенную. На западном развертываются равнины на необозримое пространство; волнующаяся по нимъ зелень удаляясь кажется восходящею въ небесную лазурь и шамъ исчезающею. Въ сихъ безпредѣльных поляхъ бродятъ стада изъ цѣлыхъ тысячъ буйволовъ. Иногда дикій волъ, обремененный лѣшми, переплываетъ на какой нибудь островъ Миссисипи и ложится тамъ въ густую траву. По его челу украшенному двумя полумѣсяцами, по его древней и мшистой бороде вы его почли бы за мычащаго бога рѣки, — который съ удовольствіемъ смотритъ на величіе своихъ водъ и дикое обиліе береговъ.

Такова картина западнаго берега; но она совершенно перемѣняется на противоположномъ и составляетъ съ первою разность удивительную. Деревья всякаго рода, цвѣта и благовонія висятъ надъ быстриною водъ взгроможденные по горамъ и скаламъ, — или разсыпанные въ долинахъ перемѣшиваются, вмѣстѣ срастаются, поднимаются въ воздухъ до вышины

утомляющей зрѣніе. Дикія лозы винограда, биньонїи и колоквинта переплетаются у корней сихъ деревьевъ, восходятъ на ихъ сучья, спускаются на конечности вѣтвей, — и переходя съ клена на тюльпанникъ, съ него на рожу образуютъ тысячи пещеръ, тысячи сводовъ, тысячи поршиковъ. Иногда, бродя такимъ образомъ съ дерева на дерево, сїи вьющіяся растѣнія спускаются съ крутизны чрезъ какой нибудь заливъ рѣки на другой берегъ, образуя цвѣшочные мосты и своды. Изъ среды сихъ благоуханныхъ грудъ возвышаетъ свой неподвижный коническій верхъ величественная маньёлїя, покрывая широкими бѣлыми цвѣтами; она превышаетъ всѣ деревья и не находитъ себѣ соперницы, кромѣ пальмы тихо колеблющей подлѣ нея свои зеленые опахала.

Множество животныхъ, поселенныхъ Творцемъ въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ, придаютъ имъ прелести и одушевляютъ ихъ собою. Съ одного конца дороги видишь на другомъ медвѣдей упоенныхъ виноградомъ и качающихся на вѣтвяхъ вяза, видишь сшада карибу купаю-

щихся въ озерѣ, черныхъ бѣлокъ играющихъ въ густотѣ листьевъ; тамъ Американскіе пересмѣшники, тамъ Виргинскіе голуби маленькіе какъ воробьи спускаются на дернъ алѣющей отъ земляники; тамъ зеленые желтоголовые попугаи, тамъ синѣтири, тамъ огненные кардиналы кружась поднимаются къ вершинамъ кипарисовъ; тамъ колибри блестятъ на флоридскомъ яминѣ; тамъ гремучія змѣи шипятъ прицѣпившись къ верхамъ деревьевъ и качаясь подобно вьющимся растѣніямъ.

Какъ въ равнинахъ на той сторонѣ рѣки все тихо и покойно; такъ на противоположнѣйшей все въ шумномъ движеніи: слышенъ стукъ птицъ долбящихъ пни дубовъ, хрупъ бродящихъ животныхъ или разгрызающихъ орѣхи, шумъ волнъ, слабое шептаніе, глухое мычаніе, приятное воркованіе;—и все сіе производитъ въ сихъ пустыняхъ нѣжную, дикую гармонію. Когда же повѣешь вѣтерокъ и оживитъ всѣ сіи мѣста, когда начнетъ онъ колебать все колеблющееся; когда начнетъ смѣшиваться и сливаться всѣ цвѣты бѣлыя, лазуревыя, зеленыя, розовыя; когда станешь соеди-

няшь всѣ звуки: тогда взорамъ и слуху представляется то, что тщетно бы я старался описать тѣмъ, — кои не были сами въ сихъ первобытныхъ поляхъ природы!

Глафира Шумлянская.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Т а с с ъ.

(Изъ Ансильона.)

Немногіе славнѣе, немногіе несчастнѣе Тасса. Наслаждаясь умственно мы менѣе чувствуемъ тягость внѣшняго положенія. Удовольствія отъ любимаго нами занятія, объемля всѣ способности души, дѣлаютъ насъ кладнокровными ко многимъ предметамъ составляющимъ счастье людей обыкновенныхъ. И однѣ только требованія природы сильнѣе побужденій славы. При томъ благородная и возвышенная душа бываетъ уже нѣкошорымъ образомъ удовлетворена, — когда

чувствуешь, что она болѣе стоитъ — не-
жели всѣ видимыя блага. Ипакъ естли
бы несчастіе Тасса зависѣло отъ внѣш-
нихъ предмѣтовъ; то все бы еще онъ
могъ найти утѣшеніе въ самомъ себѣ;—но
начало злключеній таилось въ душѣ его.
Живое и пылкое воображеніе усиливало
въ немъ страсти. Любовь, которую онъ
питалъ въ безмолвіи, тѣмъ болѣе увели-
чивалась,—чѣмъ онъ становился несчастнѣе;
она повергла его въ мрачную задумчи-
вость, и когда обнаружилась — навлекла
на него гоненія самыя жестокія.

Что можешь быть прогашельнѣе кар-
тины Тасса заключеннаго въ темницу и
когда мы представимъ себѣ: какъ онъ
уходитъ отсюда, скидается по полямъ
Италіи, борется съ бѣдствіемъ, въ не-
престанномъ страхѣ, живетъ подъ чу-
жимъ именемъ въ Туринѣ—не имѣя ниче-
го при себѣ—кромѣ собственнаго Генія,
ни какого утѣшенія—кромѣ природы и
Музы? — Влекомый неборимымъ стремле-
ніемъ приходишь онъ опять въ сѣбны Фер-
рары и снова заключаютъ его между не-
щастными лищенными ума; потомъ чрезъ

долгое время получаетъ свободу; и въ то время, когда готовится быть увѣнчаннымъ въ Капитолѣ, постигнуемый жестокою болѣзнію — вмѣсто торжественнаго шествія — низходитъ въ могилу!

Ушѣштесь; впечатлѣніе произведенное въ душѣ сими разительными чертами должно изгладиться при возпоминаніи о безсмертныхъ его швореніяхъ. Они служили ему замѣною всѣхъ его спраданій; и онъ конечно испыталъ промежутки счастья и упоенія, кои онъ самъ только могъ описать. Безъ сомнѣнія онъ чувствовалъ свои силы и свою дѣятельность. И какая сила воображенія! Какой дѣятельный духъ! Мѣръ созданный имъ съ такою легкостію и населенный избранными существами былъ его единственнымъ убѣжищемъ, куда онъ скрывался отъ дѣйствительныхъ бѣдствій и отъ преслѣдованія людей. Онъ наслаждался въ то время, когда производилъ; и произведши уже — не преславалъ еще наслаждаться невольнымъ признаніемъ достоинства собственныхъ своихъ швореній. Онъ самъ заставилъ позабыть *Алциду*, — приятное пастушеское стихо-

твореніе, въ которомъ онъ разборчивъ и простъ, трогашелень, благородень и вмѣстѣ натуралень: сей прелестный ландшафтъ зашмило собою обширное твореніе—*Освобожденный Іерусалимъ*.

Сколь ни велика слава сей Поэмы, но все еще она не во всемъ отвѣтствуетъ существенному ея достоинству. Какой умный и правильный ходъ! Какое удивительное единство! Какъ всѣ дѣйствія сцѣплены и приведены къ одному главному! Какое совершенство въ цѣлой совокупности! И при сихъ красотахъ, повидимому обдуманыхъ, какая быстрота движеній! Какой жаръ выраженій! Какая живость и свѣжестъ въ краскахъ! Не смотря на такое точное единство, повидимому несовмѣстное съ великимъ разнообразіемъ,— какое обиліе и пышность въ подробностяхъ одна за другою слѣдующихъ и такъ сказать тѣснящихся, но не безъ порядка и не со вредомъ для цѣлаго! Герои Поэмы его всегда походятъ на самихъ себя и никогда не походятъ на другихъ. Одна и таже господствующая страсть, одно и тоже качество

во многихъ лицахъ различно оплѣнены и оплечены оплѣнамъ примѣтными для внимательнаго наблюдателя. Кипящее мужество Ринальда, обдуманная и хладнокровная смѣлость Танкреда, звѣрская опвага Арганта, спокойная и набожная неустрашимость Годафруа—суть черты искусно оплеченныя; ихъ нельзя смѣшать одну съ другою,—такъ какъ и невинную робкую нѣжность Олинпа и Софроніи съ помѣшательствомъ чувствъ и воображенія Армиды, мнительную и меланхолическую любовь нѣжной Эрминіи съ любовью благородною и гордою негодующею какъ на нѣкую слабость саму на себя—коею оплечается Клоринда. Аріостъ заставляеъ иногда улынуться въ то время, когда онъ представляеъ важнымъ и выводитъ черты поразительныя; Тассъ склоняеъ болѣе къ печали, нежели къ веселости: это происходитъ отъ врожденной его чувствительности и отъ нещастій. Тассъ болѣе строгъ, важенъ и величественъ—нежели легокъ и шупливъ; онъ особенно любитъ предмѣты согласующіеся съ состояніемъ души его и ча-

что обнаруживает тайну своего сердца въ ту минуту, когда онъ по видимому дыша удовольствіемъ и радостію описываетъ единственно ихъ наслажденія. Аріостъ обильнѣе и плодовитѣе; Тассъ превосходитъ его устройствомъ и лучшимъ разположеніемъ своихъ убранствъ. Одинъ оплщается изобрѣтеніемъ дѣйствій и побочныхъ приключеній, другой языкомъ чувствованія и страстей. Тассъ всегда правильный и довершающій — есть питомецъ красоты, Аріостъ — любимецъ Грацій.

Гонорскій.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

На смерть Державина. ()*

Взмахнувъ шумящими крылами,
Орель подъ облака паритъ;
Чертя лазурный сводъ кругами,
На солнце дерзновенно зритъ:
Гордясь пареніемъ чудеснымъ,
Другимъ пернашымъ неизвѣстнымъ,
Плыветъ безъ мановенья крыль,
Полетомъ взоры восхищая,
Себѣ подобнаго незная; —
Таковъ Державинъ въ пѣсняхъ былъ. —

Таковъ — въ Божественной былъ Одѣ,
Такъ въ *Водопадѣ* онъ блисталъ,
Таковъ — въ *Аллійскомъ* переходѣ,
Таковъ — *Фелицу* воспѣвалъ;
Таковъ полетъ его въ *Вельможѣ*. —
И гдѣ же Геній сей? — о Боже!
Куда сокрылся онъ отъ насъ? —
Шагалъ — по дебрямъ и стремнинамъ,
По облакамъ и по пучинамъ,
Сіялъ какъ солнце — и угасъ!

(*) Прислано изъ Петербурга отъ Украинца.

Шагаль — и гдѣ слѣды чудесны?
Париль — и гдѣ орла полеть?
Гремѣль — и гдѣ сей громъ небесный?
Какъ Пиндаръ пѣль — и гдѣ Поэтъ?
Гдѣ пѣснопѣвца гласъ гремѣщій,
Всѣ чувства въ шрепетъ приводящій? —
Кто въ мѣръ къ безсмертію рождень,
Кому дивилися народы,
Кто въ пѣсняхъ двигаль горы воды;
И гдѣ же онъ? — въ землѣ — и плѣнь! —

И плѣнь? — но толь удѣль Поэту,
Который въ пѣсняхъ предаль:
Толико дѣль безсмертныхъ свѣту, —
И самъ чрезъ то безсмертенъ спаль? —
Иль гробъ его есть привидѣнье,
Иль чувство сердца обольщенье —
И я въ сомнѣньи не вошше:
Коль ясное небесъ свѣтило
Лучей своихъ не погасило, —
Не умеръ онъ — и живъ еще!

Коль зрю всходящу надъ горами
Луну блистающую въ водахъ —
И окруженную звѣздами
Горящими на небесахъ;
Коль рѣки вспяшь не возвратились

И горы въ прахъ не сокрушились;
Онъ живъ еще — и не умреть:
Я *Водолада* шумъ внимаю,
И *Утра* прелести встрѣчаю,
И въ роцѣ *Соловей* поетъ.

Онъ живъ еще.... но восклоненну
Надъ урной Музу вижу я,
Въ одежду скорби облеченну,
Чело подпершую — стенья;
На лиру взоры обращаетъ
И гласомъ горестнымъ вѣщаетъ:
„По струнамъ симъ не пробѣжитъ
„Во вѣки смертнаго десница,
„Доколѣ свѣшится денница, —
„Дотоль она не возгремипъ.

Онъ живъ еще; но се надгробну
Читаю въ горестныхъ строкахъ,
Толико для души прискорбну,
Колико славенъ въ гробѣ прахъ:
„Вотще вы смертные въ печали; —
„Великѣ не умирали!
„Ихъ смерть — къ безсмертію ведётъ.
„Прейдутъ народы всѣ земные,
„Возникнутъ племена иные;
„Но онъ поэтъ — и не умрётъ.

Онъ живъ еще; — вотъ разливаютъ
Всходяще солнце ранній свѣтъ
И всю природу оживляетъ. —
Но гдѣ безсмертный нашъ поэтъ? —
Вотъ солнце стало надъ горами —
Но нѣтъ Державина межъ нами . . . —
Его лучъ жизни не горитъ.
Уже и путь свой совершило —
Луна вселенну озарила; —
Но гдѣ же онъ? — Гдѣ Геній скрытъ?

Онъ живъ еще; но слезны токи
Мнѣ измѣняютъ самоу:
Написанны смываютъ строки,
Что посвящаю я ему! . . .
Такъ пронеси же Волховъ шумный,
Черезъ воды океановъ бурны,
Печальну вѣсть отъ нашихъ мѣстъ
Во всѣ края подлунна свѣта:
Что нѣтъ безсмертнаго Поэта,
Что онъ виваетъ среди звѣздъ.

А ты великій — въ пѣсняхъ чудный!
Прими какъ дань печаль мою.
Скорблю, что даръ имѣя скудный,
Я въ горести моей пою;
И слабость силы не измѣря,

Себя влеченю чувства ввѣря,
 Нестройну пѣснь тебѣ воспѣлъ;
 Но еслибъ съ чувствомъ даръ сравнился,—
 Ты самъ тогда бы удивился,
 Что равнаго себѣ имѣлъ.

С. П. Бургъ.
 13 Августа 1816.

Призываніе Миланы.

(Подражаніе.)

— о о — о о — о о — о
 — о о — о о — о о — о
 о — о — о — о

Съ вѣтромъ осеннимъ, унылымъ и дикимъ,—
 Съ частымъ паденьемъ поблекнувшихъ
 листьевъ —

Все клонится къ печали!

Другъ мой, явись мнѣ: оплачемъ мы вмѣстѣ
 Образъ печальный подлунныя жизни; —

И мы увянемъ также!

Также увянемъ; но съ вѣчной весною
 Вновь разцвѣтемъ, и въ неслѣнную ризу
 Безсмертья облечемся.

Другъ мой, явись мнѣ! — я издали слышу
 Шорохъ одежды, я издали вижу

Огонь въ умильныхъ взглядахъ.

Другъ мой, явись мнѣ! . . уже я внимаю
Сердца*біенью въ груди твоей тмной;
Я слышу какъ ты дышешь.
Гдѣ я? гдѣ ты? Ужъ не призракъ ли это?
Вѣрю всему! ахъ, нѣтъ, не выводите
Изъ сладкаго обмана!

Райдаровскій.

Заидъ и Заида.

(Отрывокъ Романса.)

Por la calle de su dama etc.

По тропинкѣ своей милой
Медленно ходилъ Заидъ, —
Ожидая той минушъ,
Какъ появишся она.

Ужъ въ опечаленье приходитъ
Мавръ отъ мѣшканья ея;
Онъ однимъ ея воззрѣньемъ
Мыслишь пламя прохладить.

Вотъ, какъ послѣ бури солнце —
Или мѣсяцъ изъ за тучъ
Появляется Заида,
Выходя на свой балконъ.

Тихо къ ней Заидъ подходитъ:
„Здравствуй милая моя,
Правдали, что мнѣ сказали
Слуги вѣрные мои?

„Хочешь ты меня оставишь
И за Мавра, что пришелъ
Изъ опцовскаго помѣстья,
За мужъ думаешь итти?

Правда, милая Заида?
Безъ обмана мнѣ скажи;
Не держи того ты въ тайнѣ
Что уже извѣстно всѣмъ..

Робко говоритъ Заида:
Да, мой милый, видно такъ;
Время намъ съ тобой расстаться,
По тому что знаютъ всѣ.

Не возвращю я погибну,
Естьли долѣе продлю;
Богъ одинъ вѣсть, какъ несносно
Разлучаться мнѣ съ тобой!

Самъ ты знаешь, какъ любила
Я, домашнимъ вопреки;
Знаешь, сколько огорченій
Дѣлала мнѣ мать моя.

Часто ночь я проводила
Въ ожиданіи тебя.

Но теперь, чтобъ это кончить
За мужъ выдають меня.

Скоро ты съ другою милой
Снова жить начнешь, Заидъ;
И любя, любимъ ты ею
Будешь, — спойшь ты того.

Пораженный тяжкимъ горемъ,
Робко отвѣчаетъ Мавръ:
„Милая, не понимаю,
Что ты дѣлаешь со мной.

Не могу себѣ представить,
Какъ ты можешь предпочесть
Отвратительнаго Мавра
Не достойнаго тебя.

Ахъ, не ты ли говорила
Вечеромъ когда-то мнѣ:
Я твоя, твоя на вѣки,
Несравненный мой Заидъ! ?“

Съ Испанскаго *Гонорскій*.

Разлука съ Родиной.

Прости любезный край — жилище дра-
гоценное,
Едѣ дни младенчества въ блаженствѣ про-
щекли, —

Гдѣ юныя лѣта, камяся безмятежно,
Лишь радости одни съ собою мнѣ несли.

✱

Забудуль время то, когда уединенный
Отъ шума удалясь, я бѣгаль по полямъ;
И съ тихой радостью, подругой неизмѣнной
Въ спокойствіи души, блаженствоваль я
шамъ ?!

✱

Сколь часто урѣки я въ думу погруженный
Смотрѣль: какъ солнца свѣтъ скрывался
за поля,
Какъ тѣнь ложилась въ доль, на свѣтъ за-
ри вечерней,
И елушаль въ тишинѣ раскаты соловья!

✱

Сколь часто въ лѣтнюю ночь, когда все
вкругъ молчало,
Медлительной стопой задумавшись ходилъ,
И мѣсяцъ въ облакахъ взошедши величаво
Мечтанья новыя съ собой мнѣ приносилъ!

✱

Не рѣдко по утру снѣжилъ налугъ ро-
систый
Смотрѣть, какъ тихій день изъ за долины
вставалъ ;

Вокругъ меня цвѣшны курили паръ души-
стый
И ранній звукъ роговъ спада въ долину звалъ.

*

Тамъ лѣтомъ отдыжалъ подъ тѣнью
древесной,
Какъ въ полдень солнца лучъ палящій
зной пускалъ;
Въ прохладной тишинѣ смотрѣлъ на сводъ
небесной,
Журчанью ручейка струящагося внималъ...

*

Такъ время щасія златаго протекало,
Такъ думалъ я все жизнь безопасно провести..
Но счастье вѣрное когда и гдѣ бывало?—
Исчезло все какъ сонъ, какъ лѣстные мечты!

*

Ударилъ грозный часъ— и съ родины
мнѣ милой
Я долженъ удался, проститься съ ней
на вѣкъ;
Исполнить приговоръ судьбы неумолимой,
И вдалекѣ отъ ней влачить постылый
вѣкъ!

Соколовъ.

Уединеніе.

Приди, Тирсисъ, въ уединеніе
Ты мирной хижины моей, —
Гдѣ въ сладкомъ сердца упоеньѣ
Позабываю я людей.

Гдѣ мысля, разлучася съ милой,
О быспрошѣ протекшихъ дней, —
И съ горестью въ душѣ унылой
Позабываю я людей.

Здѣсь, удаляся въ лѣсъ тѣнистой,
Въ которомъ свищеть соловей, —
И сѣдши на правѣ пушистой
Я забываю всѣхъ людей.

Мечтаю, въ прежнемъ восхищеніи
Какъ жилъ я съ *Лизой* моей. . . .
И въ семъ приятномъ наслажденіи
Позабываю всѣхъ людей!

Иль на берегу прозрачной рѣчки —
Гдѣ струйка гонится струей,
Гдѣ щиплютъ мураву овечки, —
Тамъ забываю всѣхъ людей.

Лишь Лизу въ мысляхъ представляю —
Ее ищу въ душѣ моей;
Въ такомъ мѣчтаніи забываю
И города, и всѣхъ людей.

Приди, Тирсисъ, въ уединенье ;
Здѣсь щастье обрѣтешь скорѣй,
Скорѣй предашь на вѣкъ въ забвенье
Мірскую пышность и людей!

Здѣсь вмѣстѣ станемъ утѣшаться,
И вмѣстѣ слезы лить о ней! —
Природой вмѣстѣ восхищаться,
Забывъ вселенну и людей!

Сократъ Ремезовъ.

Мѣст. Великія Будищи.

Слѣпецъ.

„Судьбы! на толи я рождень,
Чтобъ былъ подъ яснымъ неба сводомъ
Могильнымъ мракомъ окружень?
Пятнадцатъ лѣтъ шеперь мнѣ съ годомъ;
Но я, ахъ, знаю ли — что свѣтъ?
Живу какъ рабъ иль узникъ бѣдъ!

„Напрасно горлица уныла
Ты стонешь о судьбѣ своей;
Тебѣ міръ Божій не могила,
Рокъ не лишилъ тебя очей,
Передъ тобой красы природы —
Дуга, поля, лѣса и воды.

„И ты окованный цѣпями,
Тюремна крова мрачный житель,
Ты видишь, какъ луна лугами
Твою темническую обитель
Злащитъ и свѣтъ въ нее лѣетъ,
Жизнь нову узнику даетъ.

„А мнѣ давно уже могилой
Содѣлался пустынный міръ,
Забытъ я въ немъ своей судьбиной, —
Во множествѣ я все одинъ;
Лишенный зрѣнія не знаю
Почто я землю населяю.

„Грустить, поминаться — мой удѣлъ,
Во мракѣ вѣчномъ пресмыкаешься;
Неумолимый рокъ велѣлъ
Мнѣ безъ вины спрадать, перзаться:
Иль для того лишь должно жить,
Что бы вздыхать и слезы лить?

„Все тщетно! кто тебѣ внимаешь,
Нешастный, бѣдный и слѣпой?
Природа тихо засыпаетъ;
Она пробудится съ зарей;
Но мнѣ ужъ не открытъ зенницы
Со восходомъ раннія денницы!“

Такъ юноша слѣпымъ рожденъ
Со блѣднымъ ликомъ и унылымъ

Во печальны мысли углублень,
Все въ свѣтѣ скучнымъ и постылымъ
Ожесточенный признавалъ,
И день рожденья проклиналъ.

Вотъ слышитъ, кто-то постучался
И будто въ хижину идетъ.
Приятный голосъ отозвался;
Онъ слышитъ ласковый привѣтъ
Сѣдаго спарика Клеона
Пришедшаго по зову стона.

„Престанъ роптать и слезы липъ
Клеонъ ему какъ другъ вѣщаетъ,
Престанъ судьбу свою винить,
И вмѣстѣ слезы проливаетъ;
Ты младъ, неопытенъ и слѣпъ;
Прими мой дружескій совѣтъ.

„Пусть грозный рокъ тебѣ судилъ
Не зрѣтъ ни солнца въ здѣшнемъ мѣрѣ,
Ни тысячи другихъ свѣшилъ
Горящихъ ночью въ эфирѣ,
Не зрѣтъ кристала свѣтлыхъ водъ,
Скрытъ отъ тебя небесный сводъ.

„Не видишь ты, какъ средь пустыни,
Среди лѣсовъ, или полей,
Или изъ глубины пучины,
Изъ безднъ яростныхъ морей

Гора чело свое возноситъ
И облаковъ громады носитъ.

„Не зришь, какъ вечеромъ со скалъ,
Когда лучъ солнца ихъ коснется,
Посыплется рубинъ, кристаль
И яхонтъ съ золошомъ сольется
И отразится вдалекѣ
Багрянецъ съ серебромъ въ рѣкѣ.

„Не зришь, какъ въ воздухѣ летаетъ
Птицъ разныхъ, наѣкомыхъ рой,
Или какъ роза разцвѣщаетъ
Весенней майскою порой;
Невидишь сихъ красотъ вселенны;
Но выгоды твои безцѣнны:

„За то не видишь ты, какъ тамъ
На полѣ битвы, бранной славы
(Чего нельзя не видѣть намъ)
Лежатъ въ кострахъ шѣла кровавы,
Сей памятный на вѣки слѣдъ
Толико славимыхъ побѣдъ!

„Не видишь ты, какъ тамъ въ дубравѣ
Терзаетъ агнца жадный волкъ;
Онъ будто слабыхъ мучить въ правѣ;
Но сильнымъ это не въ порокъ.
Тамъ яспребъ высясь надъ стремниной
Несется съ горлицей невинной.

„Ты мыслиль можетъ быть когда,
Что солнце вѣчно для насъ ясно;
Нѣтъ, солнце свѣтитъ не всегда;
Бываетъ часто и ненастно:
Нерѣдко буря небо шмтитъ
Иль облако собой мрачитъ.“

Клеонъ, сказалъ слѣпорожденный,
Склонившись къ старику челою,
Клеонъ, мой-геній вдохновенный,
Я не ропщу на жребій свой;
Пусть будетъ Богъ мнѣ утѣшитель
Подпора, щитъ, руководитель.

Бакаевъ.

Мартышка и Котъ.

(Басня.)

Котъ Ванька-Мышедавъ съ мартышкою
кумой

Издавна одному хозяину служили
И межъ собой

Такъ дружно жили,
Что въ домѣ каждой разъ
Не проходило дня безъ новыхъ ихъ проказъ.
Мартышка къ воровству имѣла страсть
большую;

Не рѣдко также кошь, со стороны своей,
Подъ видомъ будшо шѣмъ, чтобъ истреб-
лять мышей,

За сыромъ лазилъ въ кладовую.

Вотъ басенку какую

Про нихъ разказывали мнѣ:

Каштаны жарились однажды на огнѣ;

А нашъ проказникъ кошь и старая воровка
Сидѣли у огня самъ — другъ наединѣ.

„Ну, Ванька! — говоришь плутовка —
„Достань каштаны-то, такъ будешь мо-
лодцомъ!

„Что естѣлибъ мнѣ хоть чуть дана была
уловка;

„Повѣрь мнѣ въ томъ,

„Каштаныбъ эти всѣ съ тобой мы подо-
брали,

„И поминай какъ звали!,,

Лишь кончила Мартышка рѣчь,

Нашъ кошь поднялся, притаился,

Украдкой сунуль лапку въ печь

И вдругъ назадъ, потомъ..приободрился,

Волю сталь лапкою шихонько разгребашъ,

Схватилъ каштанъ, другой, обжегся и —
опять

Нашъ Ванька не безъ дѣла!
Онъ такъ каштановъ пяшь
Иль можешь болѣе успѣль уже достать;
А кумушка одна лупила ихъ да ѣла.
Но вотъ случилась имъ бѣда :
Нечаянно шуда
Слуга подкрался;
Плутовка старая пустилась на уходъ;
А кошь
Съ слугою, говорящъ, не ловко расквитался.

*

И у людей,
Признаться, шожъ бываетъ:
Не частоль, на примѣръ, встрѣчаемъ мы
судей,
Которыхъ секретарь искусно поддѣваетъ,
И жаръ *судейскими руками* загребаешь?

А. Дунинъ-Борковскій.

С. Листвень.

Стрекоза и желѣзный листъ.

(Басня.)

Художникъ ли какой, иль мастеръ зна-
менистый

Сушилъ желѣзный листъ горячимъ ма-
слою крытый.

Не знаю подлинно, на что онъ нуженъ
былъ;

Да и не нужно знать, къ чему сей листъ
служилъ:

А скажемъ, что сѣ случилось весною, —
Когда оживлены

Животныхъ разны роды теплою
Рѣзвясь, пользуясь вліяніемъ весны.

Кто ей не наслаждался?

Кто въ жизненной веснѣ Любимой не
прельщался?

Но вотъ что видѣли мои весной глаза:

Къ тому листу, о коемъ рѣчь и дѣло,
Премного бабочекъ отовсюду налетѣло; —

И тушь же между нихъ сидѣла стрекоза
Ихъ всѣхъ шуда влекла — не чарованья
сила,

А просто блескъ лисна отъ дневнаго
свѣтила. —

(Въ животно́мъ царствѣ всѣхъ
существъ
Прельщаетъ блескъ отъ блестящихъ
веществъ!)
Вкругъ бабочки листа и надъ листомъ
порхали;
Но простоль случаемъ, иль вѣтеркомъ,
Иль опышомъ, или умомъ
Дошли,—и на листѣ ни какъ не отдыкали,
И даже крылышкомъ коснуться не дерзали.
Куда — какъ странень мнѣ вашъ бабоч-
ки, разчешъ! —
Подругамъ Стрекоза поешъ:
Летѣшь издалека, увидѣшь блескъ полъ-
ясный, —
И дѣлашь вкругъ него вилянья лишь на-
прасны! . . .
Такого случая не надобно терять, —
Приблизись и этакъ блескъ поймать.
Смотрише на меня,, — И съ словомъ
симъ прыгнула.
Листъ былъ еще горячъ и вязокъ клей на
нёмъ, —
И стрекоза прильнула;
Разкалась, но поздно, въ шомъ,

Что дашь примѣръ собой подругамъ раз-
судила; —
И жизнью за совѣтъ не скромный запла-
тила.

Читатели! сказать ли вамъ,
Что надобно ловить блескъ осторожно
намъ?

Но что я вамъ скажу? Вы всѣ меня умнѣе.

И шакъ, довольно басеньки моей;

Вы въ ней

Поймете правило яснѣе.

Андрей Субботинъ.

Прилуки.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Университетъ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Харьковскій Университетъ 30-го минувшаго Августа праздновалъ высокій день Тезоименичества Его Величества Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го и начало учебного года слѣдующимъ образомъ :

По утру въ 9-ть часовъ по приглашенію Господина Ректора Университета Ординарные Профессоры, Адъюнкты, Лекторы, Учители пріятныхъ искусствъ и прочіе чиновники Университета прибыли въ залъ общаго собранія и отшолъ совокупно отправились въ Градскую Соборную церковь для выслушанія Божественной литургіи и молебствія о здравіи и благоденствіи Его Величества Государя ИМПЕРАТОРА и всего Его Августѣйшаго дома. Въ шесть часовъ по полудни по прибытіи въ большой залъ малаго Университетскаго дома приглашенныхъ по сему случаю воинскихъ и гражданскихъ

чиновниковъ, Дворянства, почетнѣйшаго Духовенства и Купечества, торжественный ученый Актъ начатъ Симфонією музыки; за тѣмъ произнесены рѣчи: а) Ординарнымъ Профессоромъ Лангомъ на Нѣмецкомъ языкѣ: *о связи Государственнаго хозяйства съ Политическою Арифметикою.* б) Адъюнктомъ Павловичемъ на Латинскомъ языкѣ: *о спорно́мъ правѣ уголовныхъ законовъ;* с) Адъюнктомъ Архангельскимъ на Россійскомъ языкѣ: *о точныхъ наукахъ.*

Потомъ Ординарнымъ Профессоромъ Успенскимъ чitano крашкое изложеніе перемѣнъ, случившихся въ Университетѣ въ продолженіи истекшаго Академическаго года слѣдующаго содержанія:

А.

Въ самомъ Университетѣ:

І. Избраны въ Почетные Члены Университета и утверждены Его Сіятельствомъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія:

а.) Его Высокопреосвященство Архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій и Кавалеръ Феоктистъ, б.) Его Превосходитель-

ство Курскій Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ Аркадій Ивановичъ Нелидовъ, с) Его Превосходительство Слободско-Украинскій Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ Василій Гавриловичъ Мурашовъ, d.) Его Сіяшество Прускій Графъ Гофмансъ Егге, находящійся въ Берлинѣ, e) Профессоръ Дерптскаго Университета Фердинандъ Ивановичъ Гизе, f) Секретарь Ея Величества Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫИ Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

II. Выбыль вовсе изъ Университета Профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ народовъ Фердинандъ Ивановичъ Швейкартъ.

III. Утвержденъ Адъюнктомъ военныхъ наукъ Кандидатъ Михаилъ Робушъ.

IV. Произведены въ степени по учебной части:

a) Въ Докторы изящныхъ наукъ:

1.) Учитель Лашинскаго языка въ Екатеринославской Гимназійи Карлъ Гернъ, 2.) Кандидатъ изящныхъ наукъ Василій Масловичъ.

б.) Въ Докторы правъ:

Бывшій вольнослушающимъ Михаилъ Грибовскій.

с.) Въ Докторы Химіи:

Магистръ Орестъ Шуманъ.

д.) Въ Магистры по Нравственно-Политическому отдѣленію. 1. Карлъ Кеппень 2. Василій Боккаловскій. По Словесному: Евграфъ Филомаѳитскій. По Естественнымъ наукамъ: Семень Колядинъ.

е.) Въ Кандидаты: по Словесному Отдѣленію: бывшіе вольнослушающими: 1. Андрей Вербицкій, 2. Гавріиль Сорочинскій; Студенты: 1. Иванъ Сахновскій, 2. Иванъ Котляревскій, 3. Григорій Чубаровъ. По Физико - Математическому Отдѣленію: Студенты: 1. Павелъ Зашеплинскій, 2. Григорій Мажневскій, 3. Иванъ Сбищневъ, 4. Степанъ Малама, 5. Николай Фраполи, 6. Федоръ Манжаковъ. По Нравственно - политическому отдѣленію: 1. Петръ Шкларевичъ, 2. Иванъ Максимовичъ, 3. Василій Брайкевичъ, 4. Андрей Халанскій. По Медицинскому Отдѣленію: 1. Дмитрій Стефановичъ-Севастьяновичъ, 2. Сократъ Васильевъ, 3. Василій Бондаревъ, 4. Николай Шимановъ.

г.) Изъ Кандидатовъ Медицины произведены въ Лѣкари: 1. Григорій Попандупуло, 2. Яковъ Калиновскій, 3. Карлъ Мейеръ, 4. Деміанъ Копѣйчиковъ, 5. Порфирій Басмановъ, 6. Сократъ Фоміевъ, 7. Петръ Ходовскій.

Студенты отличившіе себя успѣхами въ наукахъ: Николай Несторовскій, Василій Рыболовлевъ, Петръ Шкларевичъ, Алексѣй Левшинъ, Яковъ Скуба, Петръ Сокальскій, Тихонъ Степановъ, Александръ Венедиктовъ, Николай Еллинскій, Яковъ Грибовскій, Помпей Станиславскій, бывшій вольнослушающимъ Андрей Бабычевъ.

Приняты вновь въ студенты: а) въ казенно-кошшныя: 1. Иванъ Савинъ, 2. Матвей Байковъ, 3. Егоръ Иноземцовъ, 4. Григорій Скурашовъ, 5. Иванъ Тимоновичъ, 6. Василій Булгаковъ, 7. Николай Зеновьевъ; б) въ своекошшныя: 1. Павелъ Каменскій, 2. Павелъ Сахновскій, 3. Павелъ Тюфяевъ, 4. Василій Лукашевичъ, 5. Германъ Шадъ, 6. Николай Михайловъ, 7. Иванъ Глушковъ, 8. Ермолай Лобачевскій, 9. Николай Бѣлозерскій, 10. Федоръ Сум-

Син Шад а!!!

цовъ, 11. Германъ Корфъ, 12. Василій Корфъ, 13. Димитрій Софоновъ, 14. Александръ Барановъ, 15. Александръ Петровъ, 16. Петръ Спребковъ, 17. Иванъ Соколовъ, 18. Александръ Рындинъ, 19. Федоръ Черванецкій, 20. Николай Щербаковъ, 21. Николай Навроцкій, 22. Андрей Лукьяновичъ, 23. Димитрій Брайкевичъ, 24. Апполонъ Лещенко, 25. Платонъ Сердюковъ, 26. Петръ Еременковъ, 27. Степанъ Морозовъ, 28. Андрей Бабычевъ, 29. Александръ Елчаниновъ, 30. Николай Поповъ, 31. Иванъ Золотаревъ.

Б.

Въ округѣ Университета:

1-е. Открыты уѣздныя училища: Полтавской Губерніи: 1. въ Константиноградѣ, 2. въ Зиньковѣ. Орловской Губерніи: въ Брянскѣ. Таврической Губерніи: въ Евпаторіи. Приходскія училища: въ Таврической Губерніи: въ слободѣ большой Знамянкѣ; въ Воронежской Губерніи: 1. въ городѣ Старобѣльскѣ, 2. въ селеніи Верхошишанкѣ.

2-е. Определены слѣдующіе чиновники: а.) Почетными Смотрителями въ Поѣштовыя училища: Черниговской Губер-

нѣи: въ Городничское, Коллежскій Совѣтникъ Александръ Яковлевичъ Бакуринскій; въ Конопотское, Подполковникъ Гавріиль Михайловичъ Тамалея: въ Мглинское, Корнетъ Степанъ Артемовичъ Лашкевичъ. Воронежской Губерніи въ городѣ Старобѣльскѣ, Коллежскій Ассесоръ Иванъ Никитичъ Черенковъ. Полтавской Губеріи: въ Константиноградское, Надворный Совѣтникъ Кондратій Акимовичъ Бродскій. б.) Штатныхъ Смотрителей 10-ть.

с.) Учителей { Въ Гимназіи, 11.
Въ уѣздныя училища, 25.
Въ приходскія училища, 18.

Надзирателей 13.

Общество Благотворенія.

22-го числа минувшаго Августа мѣсяца, Харьковское Общество Благотворенія, на основаніи своихъ правилъ, имѣло Торжественное Собраніе. Оно по приглашенію Совѣта удостоено было присутствіемъ Гг. Гражданскаго Губернатора, квартирующаго въ Харьковѣ Генералите-та, Штабъ - и Оберъ-Офицеровъ, Дамъ, какъ военныхъ, такъ и здѣшнихъ равно и Дворянства съѣхавшагося въ Харьковъ по случаю ярмонки. До открытія Собранія представлены были посѣтителямъ занятія дѣвиць состоявшія въ прописяхъ, рисункахъ и разнаго рода рукодѣліяхъ, кои заслужили отъ всѣхъ совершенное одобреніе. Собраніе началось симфоніею, въ продолженіе которой дѣвицы воспеывающіеся въ Институтѣ вошли въ залу; потомъ прочтенъ былъ отчетъ изъ дѣлакъ Совѣта за V годъ, кошорой будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ Украинскаго Вѣстника. По проченіи отчета, Предсѣдатель Совѣта, Г. Губернскій Предводитель Дворянства вручилъ Г-жѣ Смотрительницѣ

Института листъ за подписаніемъ всего Общества свидѣтельствующій онаго благодарность за ея труды и стараніе въ доведеніи Института дожелаемаго порядка. За тѣмъ одна изъ выпускаемыхъ воспитанницъ Общества Е. Пчолкина въ творенной рѣчи изъяснила чувства живѣйшей благодарности Обществу за извлеченіе ея изъ бѣдности и дарованіе ей чрезъ воспитаніе новой жизни. Послѣ чего, читанъ былъ списокъ дѣвицъ въ печеніе года отличившихся въ наукахъ и благодѣланіи; награжденія онымъ, какъ значится ниже, раздаваемы были при звукѣ трубъ и лишавръ. Потомъ на основаніи Устава Институтскаго предложено было поспѣшителямъ купить что-либо изъ руководѣній воспитанницъ и другихъ бѣдныхъ дѣвицъ. Продажа симъ вещамъ обыкновенно бываетъ посредствомъ аукціона. И такъ начался торгъ; но не успѣвали объявить цѣну вещи въ 5 руб. какъ уже многіе голоса въ залѣ слышны были 50 руб. 100—200 руб. Нѣкоторые сами себѣ набавляли цѣну, другіе уплачивая деньги еще прибавляли;

и такимъ образомъ вся сумма опъ сего аукціона простирается до 1720 руб. Ни въ одинъ годъ не собрано сшолько денегъ какъ въ сѣе собраніе (*); и за сѣи пожертвованія обязаны сироты особенно Гг. военнымъ нашимъ гостямъ.

По окончаніи аукціона, посѣтители приглашены были главной начальницею Института Е. П. Щербининою, осмотрѣть спальни дѣвицъ, и учебные ихъ комнаты. За тѣмъ открытъ былъ для посѣтителей балъ, которой и продолжался до полуночи.

С л и с о к ъ

*Дѣвицъ удостоившихся награжденій за
благодѣаніе, успѣхи въ наукахъ и руко-
дѣліяхъ.*

Воспитанница Демидова Марья Ружицкая окончившая курсъ ученія, по способ

(*) Почтенный Издавецъ С. О. помѣстивъ Опчешъ Совѣща Обществу сего въ своемъ журналѣ за прошлый годъ и особо оппечатывалъ енаго 100 экземпляровъ; въ немъ по ошибкѣ сказано было, что рукодѣлій продано болѣе нежели на 100 руб. надобно читашъ: болѣе нежели на 1000 руб.

ностямъ своимъ опредѣляется въ помощницы къ Г-жѣ Смотрительницѣ съ жалованьемъ 150 рублей, и дабы она сохраняла всегда въ памяти, какъ много она обязана благодѣтелю своему, дарится ей его портретъ.

Дѣвицы выпускаемые въ дома помѣщиковъ для обученія дочерей ихъ награждаются учебными книгами:

2. Евгенія Пчолкина.

3. Варвара Спиридова.

4. Воспитанница Общества Меланья Юносова за отличную прилѣжность въ ученіи, скромность и благонравіе удостоивается званія *Воспитанницы Демидова.*

5. Золотымъ знакомъ отличія въ 2-й червонецъ, пожертвованнымъ отъ Г-жи Главной Начальницы Института Екатерины Петровны Щербиной, награждается В. Корицкаго Марья Боярская.

6. Серебрянымъ таковымъ же знакомъ награждается В. О. Татьяна Еножина.

7. Книга и за успѣхи въ рукодѣлїи рабочей ларчикъ В. О. Марья Пешровской.

Книгами:

8. Ольга Кулешова. 9. Пансіонерка Александра Филиповичева. 10. В. О. Надежда Гордіева. 11. Пан. Елена Ячная. Не извѣстнаго благотворителя Пан. Тамьяна Трушечникова. 12. Александра Высочинава. 13. Марья Моренкова.

Похвальными листами.

14. В. О. Дарья Ружицкая. 15. Александра Кузьмицкая. 16. Александра Барабашова. 17. Ольга Венгерова. 18. Марья Остроухова. 19. Варвара Прокофьева. 20. Марья Фесенкова.

Увѣдомленіе.

По желанію почтенной особы благоволившей прислать пятьдесятъ рублей, изъ коихъ 18 руб. за Украинскій Вѣстникъ, а остальные 32 руб. для Благотворительнаго Общества; послѣднія деньги препровождены—куда слѣдуетъ. И какъ она хотѣла скрыть имя свое; то симъ только и извѣщается, что воля ея исполнена.

*Библіографія выходящихъ въ Харь-
ковѣ книгъ.*

1. *ОСНОВАНІЯ МЕХАНИКИ* Франкё-
ра. Съ Французскаго перевелъ и дополнилъ
Императорскаго Харьковскаго Универси-
тета Адъюнктъ Николай Архангельскій.
Въ Универ. Тип. въ 8 ю дол. XIII. 549 стр.

(Книга сія есть краткое начертаніе
законовъ Механики. Сочинитель, воспользо-
вавшись изустными и письменными на-
ставленіями первостепенныхъ Авторозъ,
представилъ сію науку въ такомъ видѣ,
какой наиболѣе приличенъ нынѣшнему со-
стоянію Математическихъ и Физическихъ
наукъ. Поскольку же онъ имѣлъ обязанно-
стію преподавать начала Механики; то
со всею возможностью старался сообразить
изложеніе оныхъ какъ со степенью просвѣ-
щенія начинающихъ учиться сему пред-
мѣту, такъ и съ краткостію времени; въ
чемъ и успѣлъ. По краткости и легко-
сти — какъ преимущественнымъ каче-
ствамъ — и удовлетворительности сіе

сочиненіе почти вездѣ принято и сдѣла-
лось учебнымъ. Таковымъ оно признано и
въ здѣшнемъ Университетѣ; оно служило
руководствомъ въ преподаваніи Механи-
ки Студентамъ; что наипаче побудило
Университетъ издать его на Рускомъ
языкѣ; каковое намѣреніе ободрено Г. Ми-
нистромъ Народнаго Просвѣщенія. Трудъ
перевода возложенъ былъ на Г. Адъюнк-
та Архангельскаго. Переводчикъ присо-
вокупилъ многія полезныя прибавленія,
служащія какъ дополненіемъ, такъ равно-
мѣрно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поправ-
леніемъ и поясненіемъ изложеннаго въ
текстѣ при соблюденіи, сколько воз-
можно опличительныхъ качествъ под-
линника. Можно бы было прибавить и
еще многія примѣчанія; но Г. Перевод-
чикъ ограничилъ себя тѣмъ, что онъ
предложилъ, по симъ причинамъ: 1)
по недоспашку здѣсь сочиненій изъ ко-
ихъ бы можно было почерпнуть нуж-
ныя присовокупленія; 2) чтобы мно-
жествомъ прибавленій не слишкомъ уве-
личить учебную книгу и не выйти изъ
предѣловъ основаній науки; 3). Переводъ

чикъ не присовокупилъ ничего такого, что относится къ практической Механикѣ, имѣя намѣреніе издать особую книгу содержащую въ себѣ *приложенія Механическихъ началъ къ разнымъ практическимъ случаямъ въ общежитіи встрѣчающимся*, чему образчикъ мы видимъ въ переведенномъ имъ сочиненіи: *Изслѣдованія о наивыгоднѣйшемъ построеніи машинъ*, которое издано главнымъ Правленіемъ Училищъ въ 1815 году.

Мы ничего не прибавили бы къ существенному достоинству сочиненія и перевода; естли бы захотѣли выхвалять ихъ: но намъ пришло предупредить другихъ въ изъявленіи признательности какъ попеченіямъ Университета о разпространеніи познаній, такъ и дѣятельности тѣхъ, кого онъ избираетъ орудіями исполненія своихъ намѣреній.)

2. *De antinomiis rationis purae. Dissertatio quam ad gradum Doctoris Philosophiae in Caesarea Literarum Universitate Charcowiae constituta, consequendum conscripsit Ioannes Ljubaczinsky, Philosophiae Magister, Gymnasii Ekaterinoslaviensis Praeceptor, Consiliarius Titularis.* въ Ун. ш. in. 8. 29 стр.

Изъявленіе благодарности.

Издатели Укр. Вѣстника, при самомъ началѣ своего изданія, приняли на себя также и посредничество между благотворителями и несчастными; они напечатали нѣсколько писемъ присланныхъ къ нимъ отъ страждущихъ и неимущихъ, въ совершенной увѣренности, что сіе не останется безъ успѣха; — и не обманулись. На сихъ дняхъ получили они письмо отъ Г. Брагина изъ Калуги, въ которомъ онъ самымъ чувствительнѣйшимъ образомъ благодаритъ Гг. принявшихъ участіе въ бѣдственномъ его положеніи. Вотъ извлеченіе изъ письма его:

1. „Г. Калужскій Вице-Губернаторъ и Кавалеръ Федоръ Петровичъ Загряжскій чрезъ посредство Г. Калужскаго Полицмейстера съ помощію другихъ неизвѣстныхъ благотворителей доставилъ мнѣ 325 руб.
2. Изъ Риги отъ 24 Іюня подъ липерами М. К — 50 руб.
3. Изъ Корчева отъ 11 Іюля подъ Тверскою печатью — 10 руб.

4. Отъ 22 Юля изъ Тифлиса — 50 руб.
5. Отъ 3 Авг. изъ С. П. бурга подъ ли-
шерами Е. М. — 5 руб.
6. Отъ 3 Авг. изъ Николаева — 50 руб.
7. Отъ 10 Авг. Изюмскаго уѣзда, Слобод-
ско-Украинской Губернїи отъ досто-
почтеннѣйшей дѣвицы А. Да., съ по-
мощію другихъ благотворителей —
85 руб.
8. Изъ г. Городни Черн. Губ. отъ 20
Авг. 5 руб.
9. Отъ 23 Авг. Влад. Губ. изъ Вязниковъ
подъ лишерами М. К. — 25 руб.

„И за таковыя благодѣянїя къ не-
щастному моему семѣйству каковую мо-
гу воздать всѣмъ вамъ великодушнымъ
Благотворителямъ моимъ благодарность,
кромѣ приношенїя усердныхъ нашихъ и
теплыхъ молитвъ о здравїи вашемъ и
благоденствїи къ престолу Всевышняго
Творца достойно и праведно всѣхъ на-
граждающаго и глаголющаго: *блажени ми-
лостивїи, яко тїи помилованы будутъ?*“

О подлискѣ на новую книгу.

Въ непродолжительномъ времени имѣетъ
выпши здѣсь книга печатаемая въ Универ-
ситетской Типографіи, подъ названіемъ :
*Россійская Риторика, основанная на пра-
вилахъ древнихъ и новѣйшихъ Авторовъ,*
сочиненная Членомъ Харьковскаго Обще-
ства наукъ, Харьковскимъ Катедраль-
нымъ Протоіереемъ Аѳанасіемъ Могилевскимъ. Сочинитель, стараясь привести
сѣю науку къ возможной ясности, изло-
жилъ ее новымъ методомъ, — приспособлен-
нымъ къ постепенному раскрытію талан-
товъ учащихся. По чему и надѣется, что
молодые любители словесности не толь-
ко найдутъ въ правилахъ его Риторики
надежное руководство для своихъ даро-
ваній; но еще будутъ совершенно удов-
летворены и тѣмъ, что относится къ
самой теоріи сей науки. Желающіе имѣть
сѣю книгу могутъ адресоваться прямо къ
Сочинителю. Цѣна въ бумажномъ переп-
летѣ 5 рублей. Имена Гг. подписавшихся
будутъ припечатаны въ концѣ книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

<i>1. Науки и Искусства</i>	Стран.
1. О Самаріи - - - - -	1
2. О Перспективѣ - - - - -	23
3. Письмо къ одному изъ Издателей	121
4. Замѣчаніе на статью о Малороссіи	128
5. Опытъ по двумъ способамъ судить объ эстетическихъ твореніяхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ Стихотворцевъ - - - - -	187, 249
6. Нѣчто о Липвѣ - - - - -	241
 <i>II. Живописная проза.</i>	
1. Валковское кладбище - - - - -	36
2. Дитяши (Идиллія Жофрета) - - - - -	49
3. Буря (изъ Барселеми) - - - - -	51
4. Еще нѣсколько моихъ воспоминаній	173
5. Приятности дѣвскихъ лѣтъ - - - - -	191
6. Роза и Лилія (изъ Сен-Піера) - - - - -	182
7. Опрывки изъ Писемъ о Малороссіи А. Левшина - - - - -	307
8. Миссисипи (изъ Шатобріана) - - - - -	314
 <i>III. Дѣтское чтеніе.</i>	
1. Мысли и замѣчанія - - - - -	53
2. Случай жизни - - - - -	55

3. Мелезихтонъ	-	-	-	-	194
4. Тассъ (изъ Ансильона)	-	-	-	-	319

IV. Стихотворенія.

1. Псаломъ 3-й	-	-	-	-	71
2. Два канта	-	-	-	-	72
3. Къ Секстію	-	-	-	-	75
4. Къ Варѣ	-	-	-	-	77
5. Къ Прелестѣ на разлуку	-	-	-	-	81
6. Подражаніе Петраркѣ	-	-	-	-	82
7. Другое подражаніе	-	-	-	-	84
8. Подражаніе Псалму 114-му	-	-	-	-	205
9. Рондо	-	-	-	-	206
10. Къ Лицинію (Гораціева ода)	-	-	-	-	208
11. Эропъ и пчелы	-	-	-	-	210
12. Вздохъ моего сердца	-	-	-	-	211
13. Солдашская пѣсня 29 Егер. полку	-	-	-	-	213
14. На смерть Державина	-	-	-	-	325
15. Призываніе Миланы	-	-	-	-	329
16. Заидъ и Заида (съ Испанскаго)	-	-	-	-	330
17. Разлука съ родиной.	-	-	-	-	332
18. Уединеніе	-	-	-	-	335
19. Слѣпецъ	-	-	-	-	336
20. Марышка и Котъ (Басня)	-	-	-	-	340
21. Стрекоза и желѣзный листъ	-	-	-	-	343

V. Харьковскія Записки.

1. Записка о приѣздѣ и пребываніи Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ Харьковѣ	-	-	86
2. Библейское Общество	-	-	215
3. Общество Благотворенія	-	219,353	
4. Университетъ	-	-	316

VI. Смѣсь.

1. Извлеченіе изъ письма о пребываніи Великаго Князя въ Полтавѣ	-	90
2. Письмо къ Издателямъ о томъ же изъ Одессы	-	97
3. Прогулка	-	108
4. Библиографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ	-	114,358
5. Письмо Г. Повинухина	-	224
6. Извѣстіе о бѣдномъ семействѣ	-	117
7. Отъ Издателей	-	119
8. О подпискѣ на новую книгу	-	237,363
9. Изъявленіе благодарности	-	362
10. Увѣдомленіе	-	357

О Ш И Б К И.

Стр. 25-я строк. 8-я чип. или круговыя
 стр. 31-я строк. 10-я чип. которые бы занимались
 особенно сею частію Живописи.
 стр. 32-я строк. 21-я чип. въ Траллахъ
 стр. 205. стр. 21. чип. Къ Нему, чтобы Онъ склонился.
 стр. 209-я строк. 20-я чип. Сбѣрай надушы царуса.

*Именѣ Особѣ благоволившихъ под-
писаться на сіе изданіе.*

По азбучному порядку фамилій.

Ихъ Сіятельствва:

Графина Анна Александровна Генрикова
Графъ Сергей Михайловичъ Каменскій 5 экз.
Графъ Севѣринъ Осиповичъ Потоцкій
Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ въ
С. п. бургѣ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ
въ Харьковѣ.

Ея Высочайшее Превосходительство Марья Дми-
тріевна Дунина въ Валкахъ.

Ихъ Превосходительства:

Александра Петровна Бердяева въ Харьковѣ.
Александръ Петровичъ Бутовичъ въ Чер-
ниговѣ.

Павель Дмитріевичъ Бѣлуха въ Полтавѣ.
Иванъ Ивановичъ Бахтинъ въ С. П. бургѣ.
Надежда Николаевна Брусилова въ Ахтырк.
Александръ Ивановичъ Грессеръ въ Харьк.
Петръ Степановичъ Копляревскій въ Бахм.
Максимъ Констаншиновичъ Крыжановскій
въ Почепѣ.

Василій Гавриловичъ Мурашовъ въ Харьк.
Г. Георгіевскій Гражд. Губернашоръ Ма-
линскій.

Петръ Михайловичъ Пичугинъ въ Калугѣ.
Богдана Александровна Ригельманова въ
Черниговѣ.

Андрей Андреевичъ Трощинскій въ Миргор.
Генераль - Маіоръ Энгельгардшъ 1-й въ
Черниговѣ.

Ихъ Высокородія.

Василій Назарьевичъ Каразинъ въ Богодух.
Андрей Ѳедоровичъ Квишка въ Харьковѣ.
Андрей Григорьевичъ Кулибка - Корицкій
въ Суражѣ.

Г. Повѣтовый Маршаль Левенецъ въ
Полтавѣ.

Николай Михайловичъ Мацневъ въ Орлѣ.
Яковъ Крестьяновичъ Нилусъ въ Сл. Сербск.
Тимоѳей Федоровичъ Осиповскій въ Харьк.
Иванъ Ивановичъ Халанскій въ Н. Сѣверскѣ.
Павель Михайловичъ Шумлянскій въ Харьк.
Ѳедоръ Андреевичъ Шимковъ въ Полтавѣ.

Ихъ Высокоблагословенія.

Степанъ Ивановичъ Антоновскій въ Харьк.
Александръ Степановичъ Башинскій — —

Протоіерей Михайло Крыловскій въ Почепѣ.
Андрей Семеновичъ Прокоповичъ въ Харьк.
Протоіерей Константинъ Славинскій въ
Сумахъ.

Ихъ Высокоблагородія.

Николай Михѣвичъ Архангельскій въ Хар.
Александръ Андреевичъ Авдѣевъ въ Новосил.
Иванъ Петровичъ Апостолѣевъ въ Черниг.
Аграфена Васильевна Акацатова въ Но-
вомиргородѣ.

Андрей Ивановичъ Безруковъ въ Харьковѣ.
Дмитрій Семеновичъ Борзенковъ — —
Алексѣй Михайловичъ Будлянскій въ Чер-
ниговѣ.

Георгій Ильичъ Барановъ въ Черниговѣ.
Иванъ Дмитріевичъ Брайкевичъ въ Крыловѣ.
Василій Андреевичъ Борщовъ въ Бѣлгородѣ.
Г. Полковникъ Аршил. Байковъ въ Венденѣ.
Петръ Герасимовичъ Бородавкинъ въ
Брестъ-Литовскѣ.

Михайло Васильевичъ Бѣлозерскій въ Борзнѣ.
Тимофей Мироновичъ Времева въ Валкахъ.
Сергей Тимофеевичъ Василевъ въ Иркутск.
Григорій Федоровичъ Гежелинскій въ Харьк.
Фѣдоръ Григорьевичъ Глушковъ — —
Яковъ Никишичъ Громовъ — —

Иванъ Ильичъ Гиржевъ въ Изюмѣ.

Борисъ Егоровичъ Герсивановъ — —

Прокофій Савичъ Глѣбовъ въ Черниговѣ.

Михайло Кириловичъ Грибовскій въ Харьк.

Петръ Васильевичъ Должиковъ въ Черниговѣ.

Левъ Михайловичъ Дзюбинъ въ Ахтыркѣ.

Г. Директоръ Училищъ Дмитревскій въ
Владимирѣ на Клязмѣ.

Иванъ Васильевичъ Дѣчицкій въ Тифлисѣ.

Михайло Михайловичъ Дунинъ-Борковскій
въ Сосницѣ.

Августъ Станиславичъ Эли въ Купенскѣ.

Федоръ Карповичъ Забѣла въ Черниговѣ.

Степанъ Александровичъ Исаковъ въ
Щиграхъ.

Иванъ Петровичъ Каменскій въ Харьковѣ.

Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ — — —

Василій Сергѣевичъ Комлишинскій — —

Дмитрій Федоровичъ Красовскій въ Н. Сѣвер.

Яковъ Ивановичъ Кащинцовъ въ Купянскѣ.

Густавъ Густавовичъ Кальве — — —

Михайло Григорьевичъ Коркунъ въ Лохвицѣ.

Федоръ Ивановичъ Козинецъ въ Хоролѣ.

Людмила Ивановна Короставцева въ Пав-
лоградѣ.

Петръ Григорьевичъ Корицкій въ Черниговѣ.

Г. Инженеръ — Подполковникъ М. Климен-
ко въ Ригѣ.

Коробскій 1-й, Маіоръ въ крѣп. Ленкоранѣ.
Яковъ Васильевичъ Любичкій въ Харьковѣ.
Ираклій Алексѣевичъ Левшинъ въ Воронежѣ.
Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ въ С. п. б.
Афанасій Ларіоновичъ Ларіоновъ въ Москвѣ.
Г. Пов. Маршалъ Левенецъ въ Зѣньковѣ.
Александръ Ермолаевичъ Мельгуновъ въ
Харьковѣ.

Аншонъ Еммануиловичъ Майеръ въ Харьк.
Дмитрій Тимофѣевичъ Мизко въ Екстрсл.
Гаврило Яковлевичъ Макаренко въ При-
лукахъ.

Павель Петровичъ Марченко въ Зміевѣ.
Иванъ Ивановичъ Нагель въ Харьковѣ.
Николай Андрѣевичъ Немяшовъ въ Астра-
хани.

Григорій Андрѣевичъ Петровъ въ Воронежѣ.
Александръ Васильевичъ Приклонскій въ
Москвѣ.

Алексѣй Григорьевичъ Поповъ въ Н. Чер-
каскѣ.

Василій Павловичъ Погонатовъ въ Одессѣ.
Леонтій Семеновичъ Паламаревъ въ Чер-
ниговѣ.

Иванъ Петровичъ Поздѣвъ въ Козельцѣ.

Елисей Ивановичъ Ровненъ въ Богучарѣ.
Надворный Совѣт. Ребровъ въ Георгіевскѣ.
Степанъ Васильевичъ Руссовъ въ Москвѣ.
Иванъ Михайловичъ Скорняковъ въ Харьк.
Иванъ Евсеевичъ Срезневскій — —
Василій Ивановичъ Скоропадскій въ Черн.
Тригорій Никаноровичъ Струковъ въ Самарѣ
Петръ Евграфовичъ Смагинъ въ Сумахъ.
Иванъ Изановичъ Сухомлиновъ въ Харьк.
Акимъ Петровичъ Стремоуховъ въ Сумахъ.
Дмишрій Николаевичъ Сафоновъ въ Обоян.
37-го Егер. п. Полковникъ фонъ Физинъ
въ Черниговѣ.

Владимиръ Ивановичъ Черновъ въ Харьковѣ.
Петръ Николаевичъ Чебышовъ въ Крапивн.
Осипъ Сидоровичъ Чарновъ въ Балтѣ.
Николай Федотовичъ Шараповъ въ Хар.
Орестъ Ивановичъ Шуманъ въ Харьковѣ.
Петръ Андреевичъ Шидловскій въ Волч.
Федоръ Андрѣевичъ Шмидтъ въ Ярослав.
Г. Шт-Лѣкаръ Шпаковскій въ Юг. Каз. Зав.
Илья Андрѣевичъ Шпаковскій въ Черниг.
Дмишрій Петровичъ Щербининъ въ Харк.
Катерина Петровна Щербинина въ Харк.

(Продолженіе въ слѣд. кн.).

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка; при такихъ книжки составляютъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатають, — естли они соотвѣтствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получать сей Журналъ благоволяють подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержаніе 9й Книжки.

I. Науки и Искусства.

Стр.

1. Нѣчто о Липвѣ	-	-	341
2. Опытъ по двумъ способамъ судить объ эстетическихъ твореніяхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ (окончаніе).			249

II. Живописная проза.

1. Опрывки изъ Писемъ Левшина о Малороссіи	-	-	307
2. Миссисипи (изъ Шатобріана)			314

III. Дѣтское чтеніе.

1. Тассъ (изъ Ансильона)	-	-	319

IV. Стихотворенія.

1. На смерть Державина	-	-	325
2. Призываніе Миланы			329
3. Заидъ и Заида (съ Имманскаго)			330
4. Разлука съ родиной			332
5. Уединеніе			335
6. Слѣпецъ			336
7. Марышка и Котъ (Васня)			340
8. Стрекоза и желѣзный листъ (Васня)			343

V. Харьковскія записки.

1. Университетъ	-	-	346
2. Общество Благотворенія			353

VI. Смѣсь.

2. Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ	-	-	358
3. Изъявленіе благодарности			361